

Повод для знакомства

Автор:

Мария Воронова

Повод для знакомства

Мария Воронова

Еще раз про любовь

Эти мужчина и женщина из разных миров. Он – талантливый хирург, отвергнутый медицинской «элитой» из-за нежелания участвовать в аферах с оборудованием. Она – утонченная преподавательница музыки. Но однажды их пути пересекутся. Профессору Колдунову предстоит оперировать больную, а Кате – ухаживать за ней. Сможет ли Катя, прежде далекая от реальности, справиться с испытаниями, которые ждут ее в настоящей жизни? Станет ли она счастливой, услышав от мужчины слова, о которых так долго мечтала?..

Мария Воронова

Повод для знакомства

© Воронова М.В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Катя допивала утренний кофе с молоком. Она любила эти пятнадцать минут, когда между глотками любимого напитка можно было поразмыслить о наступающем дне. Катя протянула руку к тостеру, но тут же отдернула. Не дай Бог поправиться! Несколько лишних килограммов всегда вгоняли ее в панику, она начинала корить себя за безволие и распушенность.

В кухню вошла мама. Кутаясь в пуховый платок, села напротив дочери и строго посмотрела на нее.

«Интересно, что я натворила на этот раз?» – подумала Катя. Вряд ли мама встала бы с постели в такую рань, чтобы просто пожелать ей доброго утра.

– Ты сегодня опять едешь с Юрой? – как бы невзначай спросила мама.

Катя помедлила с ответом. Сосед по лестничной клетке купил машину. Оказалось, что по дороге на работу он проезжает мимо Катиного музыкального училища, вот и завел привычку подвозить ее по утрам. Мама была этим недовольна. Даже зная ее строгие жизненные принципы, Катя не могла сообразить: что же такого плохого она делает, пользуясь Юриной добротой?

– Так ты едешь с ним?

– Наверное.

– Лучше бы тебе этого не делать. Юра – не нашего круга. Не нужно у него одалживаться. Катя, разве ты не знаешь этих людей? Если он тебя пару раз подвезет, то будет считать, что ты ему должна по гроб жизни.

Катя демонстративно посмотрела на часы.

– Извини, но я должна идти...

– В первую очередь ты должна прислушаться к моему совету. Катя, он же милиционер! А эти люди ничего не делают просто так. Наверняка ему что-то нужно от тебя.

– Да что может быть нужно милиционеру от учительницы музыки?

– Посмотришь.

Катя побежала одеваться. У нее была хорошая фигура, немного сухощавая, с длинными и красивыми, даже на ее собственный взгляд, ногами. Короткие рыжие волосы лежали аккуратными волнами, черты лица были правильными, но, к сожалению, терялись в обилии веснушек. Глядя на себя в зеркало, Катя часто повторяла фразу, сказанную бабушкой ее школьной подруги: «Лицо как кукушкино яйцо». В юности Катя пыталась бороться с веснушками, изводила их то огуречным соком, то масками из простокваши, то другими народными средствами (ни о каких «эйвонах» никто тогда слыхом не слыхивал).

Поступив в консерваторию, Катя смирилась со своей «пятнистостью». Купила помаду и тушь коричневатых тонов и успокоилась. Ей часто говорили, что она похожа на Николь Кидман, но Кате никогда не нравилась эта актриса.

Мама перехватила ее в дверях:

– Ты меня поняла? Я не хочу, чтобы ты ездила с Юрой.

– А что я ему скажу? Что мне мама не разрешает?

– Скажи, что тебя укачивает.

– Ладно, – быстро согласилась Катя. Из окна мама все равно не увидит, как она садится в машину.

Юра уже ждал ее, скребком борясь с наледью на стеклах. Катя невольно засмотрелась, такой он был ладненький, энергичный. В голову полезли разные мысли. «Интересно, как это он... с женщинами?..» Катя тут же покраснела.

– Помочь?

– Что ты, Катюша! Тебе же руки беречь надо. Да все уже, садись.

Юра распахнул перед ней дверцу своих новых «Жигулей». Катя полезла внутрь, смущаясь оттого, что юбка задирается и Юра видит ее колени. Она вообще

чувствовала себя неловко наедине с соседом. Иногда ей казалось, что он не прочь завести с ней роман.

Вот и сейчас, искоса поглядывая на Юрино сосредоточенное лицо, Катя гадала, как он целуется... Она представляла, как это все у них будет, и ей становилось страшно и сладко.

Из автомобильной магнитолы лились оскорбительные для Катиного музыкального уха звуки. Юра, похоже, ими наслаждался, даже подпевал. Весьма, надо сказать, фальшиво. Интересно, что будет, если они поженятся? В доме гремит попса, Юра с бутылкой пива на диване...

- О чем задумалась, Катюша? Боишься опоздать? Сейчас пробочку одолеем, а дальше - одним махом!

- Ничего страшного, время еще есть.

- Вот и ладненько. Куда ты, козел, лезешь? - вскричал внезапно Юра, резко виляя в сторону. - Ну и люди - в поле ветер, в попе дым!

Катя не нашла нужных слов для достойного продолжения такой беседы.

- Слушай, а ты не могла бы ребенка посмотреть? - продолжал Юра, отругавшись. - У моей подружки дочка вроде бы способная к музыке.

На Катю навалилась черная тоска. Мама в очередной раз оказалась права. Она всегда оказывалась права. Конечно, Юре проще было несколько раз подвезти соседку до работы, чем искать неизвестно где толкового педагога, платить ему деньги...

А она, дурочка, напридумывала себе неизвестно что! От осознания собственной глупости Катя рассердилась.

- Я посмотрю расписание, выберу время и вечером скажу тебе, - ровным голосом пообещала она.

- Вот спасибо!

– Не за что пока. Юра, как ты можешь слушать это? – Катя дала все-таки выход эмоциям. – Это же кошмар!

– Да? А мне нравится. Да и тебе, Кать, понравится, если ты врубишься. А то заколодило тебя на твоих симфониях.

Катя не ответила. Да, мама, к сожалению, совершенно права. Как ей хотелось считать Юру равным себе, интересным и порядочным человеком! Как она пыталась пропускать мимо ушей все мамины аргументы, как убеждала себя в том, что ее мама – вздорная! Увы, мама просто объективно смотрит на мир.

Суховато простившись с Юрой, Катя поспешила в училище. Предстоял напряженный день: две ее ученицы готовились к всероссийскому конкурсу молодых пианистов, и Катя рассчитывала на призовые места, поэтому девочкам спуска не давала. Нельзя было забывать и про других, менее одаренных учеников: они ни в коем случае не должны чувствовать себя людьми второго сорта, которыми педагог пренебрегает. Катя понимала, что амбиции музыканта плюс подростковые комплексы – гремучая смесь, способная разьесть юную душу, и очень старалась вдохнуть в учеников веру в свои силы.

До первого ученика оставалось еще несколько минут. Катя воровато огляделась, заперлась в классе и открыла окно. Пахнуло влажной питерской зимой, солнце закинуло несколько лучей в комнату, сверкнуло крышкой рояля, а Катя почти по пояс высунулась из окна и закурила сигарету. На темя ей капнуло с крыши, вода с волос поползла за шиворот, и, затаиваясь, Катя радостно подумала, что скоро весна.

В здании училища курить запрещалось под страхом увольнения, но она пренебрегала этим запретом. Больше того, если бы преподавателям разрешали дымить где попало, она скорее всего бросила бы это занятие. Ее будоражила не сигарета, а факт, что она совершает что-то недозволенное, поступает не как почтенная учительница музыки, а как трудный подросток.

– Екатерина Николаевна, вы у себя? – раздался за дверью голос Георгия Марковича, виолончелиста, и Катя от испуга чуть не вывалилась из окна.

Георгий Маркович вряд ли был старше ее, но выглядел совершеннейшим старикашкой. Характер он имел бабский, читай – вредный и подлый. Может быть, потому, что был одинок и жил с мамой, а может быть, уродился таким. У Кати ведь такая же ситуация, но она-то не обабилась!

Сначала она думала, что под неказистой оболочкой и некрасивыми поступками скрывается тонкая и ранимая душа, но после нескольких лет совместной работы пришла к выводу, что ничего там не скрывается. В том, что Жора донесет на нее директору, если застукает за курением в классе, можно было даже не сомневаться.

– Екатерина Николаевна, откройте, – не отступал Георгий Маркович.

– Я не могу открыть. – Катя выкинула недокуренную сигарету в окно и стала лихорадочно размахивать руками, разгоняя дым.

– Что случилось?

– Я промочила ноги! Переодеваю колготки! – рявкнула она, даже сквозь дверь чувствуя, как краснеет целомудренный виолончелист. Подобные интимности были ему глубоко чужды, как, впрочем, и другим преподавателям мужского пола. Недаром мама, побывав в ее училище, презрительно сказала: «Область стерильного выселения вида».

– Зайдите к директору, – пискнул Георгий Маркович и удалился.

Катя еще немного помахала руками, закрыла окно и отправилась на ковер.

Ян Александрович Колдунов, полковник медицинской службы в отставке, доктор наук, начальник третьего хирургического отделения, боролся со стихией. Раковина в перевязочной страшно рычала и извергала потоки мутной воды. Неискушенный в сантехнических работах, Ян Александрович скакал вокруг новоявленного фонтана на пару с перевязочной сестрой Клавдией Ивановной, собирая воду тряпками и отжимая ее в таз.

– Долго мы с тобой без подкрепления не продержимся, – резюмировала Клавдия Ивановна, дама восьмидесяти пяти лет от роду, – диагноз-то хоть поставлен?

– Засор по стояку, мать его ети!

– А! – сказала Клавдия Ивановна, будто Колдунов снял камень с ее души, и нагнулась подтирать очередную лужу.

Ян Александрович мрачно думал, что конца этому веселому занятию не предвидится. Клавдия Ивановна еще не знала всей правды: заместитель главного врача по АХЧ отказался бесплатно направить в отделение сантехников.

– Ну как? Клавдия Ивановна, давайте тряпку, – вошла старшая медсестра Вера. Она весила чуть ли не сто килограммов, носила короткую кудрявую стрижку и всем своим обликом напоминала гигантского младенца. За вечно торчащие дыбом волосы Веру называли Ананас, и она охотно отзывалась. – Ян Александрович, так когда сантехники придут?

Вера взяла у старушки тряпку и с удивительной для ее комплекции легкостью стала собирать воду. Халат сзади натянулся и угрожающе затрещал.

– Ладно, я покурю пока, – сказала Клавдия Ивановна и вышла.

– Ну что, Ян, помощь близка?

– Не мечтай! Знаешь, что сказала эта пьянь хозяйственная? Делиться, говорит, надо! Вы, говорит, товарищ Колдунов, бабки гребете с пациентов, вот и давайте! Пятьсот рублей, и засора как не бывало. И стояк перекрыть отказался. Ваши, говорит, личные трудности!

– Вот подлюка! – От возмущения Вера бросила тряпку Колдунову под ноги, и его окатило небольшой грязной волной. – Ох, извини!

– Ничего. А ведь дашь им денег, Ананас, совсем сядут на шею. Они и так сбрендили! Будто уже в Штатах живем. Полный отрыв от реальности. Где я им эти деньги возьму? Верушка, а может, спиртом их приманить? Есть у тебя?

– Есть, конечно, но те водопроводчики, которые за спирт ходят, такого тебе натворят, что, глядя на их работу, ты сам у меня спирта запросишь.

– Тоже выход! Сейчас вмажем на троих, и пусть тут все заливают к свиньям!

– Увы, Ян, под нами хорошие люди.

– Да уж, нейрохирургам и без нас несладко живется. Вот если бы под нами администрация была... Я бы краник посильнее отвернул и домой пошел!

– Ладно, попробую еще разок воззвать к светлым чувствам нашего АХЧ.

Вера стала звонить по местному телефону, а Ян с удвоенной энергией принялся собирать постоянно прибывающую воду.

– Девочек хоть пригони, пусть помогут, – буркнул он, осознав, что вероломные женщины оставили его одного сдерживать натиск стихии.

– А на посту кто будет работать, Пушкин? – огрызнулась Вера, уже накрутившая себя для разговора с АХЧ. – Але, Валера! – внезапно гаркнула она, перекрыв шум, издаваемый раковиной. – Ты чего выеживаешься? Как это – не пришлешь? Да ты вообще соображаешь? У тебя больница на куски разваливается, а ты ходишь руки в брюки, шланг в карман! Откуда я тебе деньги возьму, я их не печатаю! Мы полгода без премий. Валера, не борзей! Что ты сказал? Что?! Что?! Ах ты, подлюка! Нет, ты послушай!

Но АХЧ, видимо, не послушал, потому что Вера положила трубку с самым растерянным видом. Сейчас она напоминала младенца, у которого не только отобрали любимую погремушку, но еще и хорошенько наподдали по попе.

– Слушай, Ян, я, кажется, все испортила. Пар ушел в гудок. Он сказал, что наше отделение убыточное, никакой пользы больнице не приносит, так что, если мы тут все в сточных водах захлебнемся, никто плакать не станет. Больше никогда нам ни одного наряда не выпишет.

– А то раньше выписывал! – Это вернулась Клавдия Ивановна, благоухающая «Беломором». – Не переживайте, дети мои, что-нибудь придумаем. Вроде бы

сантехники трубы под напором воздуха продувают. Может быть, нам взять баллон с кислородом из операционной...

- Бросить его под раковину, открыть вентиль и зажечь спичку! То-то Валере будет радости, когда он завтра полбольницы недосчитается. Ему хлопот меньше.

- Нужно обзвонить все отделения над нами, чтобы они пока перевязочными своими не пользовались. Впрочем, вечер уже, и так все закрывают.

- В этот стояк еще палаты врезаны. Больных же без воды не оставишь.

- Унитазы, я надеюсь, к другой трубе подключены? - холодея, спросил Колдунов.

- Да вроде бы...

- Не слышу уверенности в голосе...

Клавдия Ивановна уселась на перевязочный стол и по-девчоночьи заболтала ногами. Ян подхватил полные ведра и собрался выносить их в туалет, но Вера остановила его:

- Ты не отсекай по отделению с помоями, не роняй свой авторитет.

- И так уже ниже плинтуса, - отмахнулся он, - пусть все видят, чем вынужден заниматься заведующий.

Ян распахнул дверь и, беспечно покачивая ведрами, вышел в коридор. Взгляд зацепил фигуру второго и последнего отделенческого врача Эрнста Михайловича Цырлина. Фигура, облаченная в куртку, быстро удалялась в сторону лестницы. «Вот паразитина!» - выругался Колдунов. Конечно, он и не ждал, что косивший под рафинированного интеллигента Цырлин кинется грудью на амбразуру, но надеялся, что тот хотя бы не уйдет, пока отделение не справится со стихией.

Вообще отделение Колдунова считалось в больнице гиблым местом. Здесь лежали либо самые тяжелые больные, либо маргиналы, оторванные напрочь от нормальной жизни. Зачастую один пациент сочетал в себе оба этих признака, так что Колдунов с сотрудниками отнюдь не купались в левых доходах. Зато лечение этих пациентов требовало много времени и сил, а желающих кувыркаться целыми днями на голую докторскую зарплату находилось мало. Периодически появлялись какие-то врачи, но не приживались, быстро находили себе места получше.

Цырлин был единственным доктором, проработавшим у Яна несколько лет, причем Колдунов не знал, радоваться или огорчаться такому постоянству.

На свежего человека Эрнст производил впечатление блестящего эрудита, и поначалу Колдунов возрадовался, как дитя, что у него будет работать такой умный хирург, но быстро разочаровался. Цырлин постоянно читал специальную литературу, но гибкости ума ему явно не хватало. Вдолбить ему в голову что-то новое было практически невозможно, зато информация, все-таки проникшая в пределы его черепной коробки, застревала там намертво. А главное, Цырлин не умел принимать решения.

Он часами обсуждал больного, приводил аргументы и контраргументы, даже выдавал небольшой литературный обзорчик по новейшим медицинским журналам, но на вопрос «что делать?» всегда приходилось отвечать Яну.

Зато после того как Ян принимал решение и оно претворялось в жизнь, Цырлин убедительно доказывал, что решение это было ошибочным и Ян – необразованный вояка. То, что больной поправлялся, Цырлин каждый раз объяснял случайностью.

Именно благодаря своей инертности Эрик до сих пор и трудился у Колдунова. Будь он посообразительнее и порешительнее, давно бы ушел.

– Ян Александрович? – окликнула его незнакомая женщина.

Колдунов быстро оценил высокий рост, безупречную фигуру, выпирающую из тесной блузки грудь, совершенной формы ножки, броский макияж, пышную прическу из разноцветных волос и с удовольствием признался, что он действительно Ян Александрович.

– С полными ведрами на счастье. – Женщина широко улыбнулась. – Меня к вам из первой хирургии перевели работать.

– Врачом?

– Типа того.

Ян не мог сдержать вздоха разочарования. В кадрах ему давно обещали заполнить врачебную ставку. Колдунов, конечно, не питал иллюзий, что ему пришлют опытного и грамотного хирурга с хорошим характером, но надеялся, что это будет хотя бы мужчина. А тут девица со стажем не больше пяти лет да еще явно не озабоченная лечебным процессом! Теперь Ян с совсем другим чувством разглядывал ее личико и другие части тела.

– Проштрафилась? – нежно спросил он.

– Ясен пень. – Девица энергично передвинула во рту жевательную резинку. – С такой поляны люди сами не сваливают.

– И что же ты натворила, прелестное дитя? – поинтересовался Ян. – Деньги взяла и не поделилась или по любовному делу?

– Да так...

В этот момент дверь перевязочной распахнулась и в коридор выскочила Вера.

– Ян Александрович! Где вы застряли? Нам воду некуда сливать!

Хорошее воспитание не позволило Вере выразиться так, как ей бы хотелось, но по покрасневшему лицу и волосам, торчащим больше обычного, Ян понял, что старшую сестру обуревают сильные чувства.

– Пардон. – И он с ведрами отбыл в сторону туалета.

Когда Колдунов вернулся, новый доктор, позвякивая многочисленными украшениями и оттопырив пятую точку, азартно ползала под раковиной с

тряпкой.

- Уже трудишься?

- Да, как бы приступила. А водопроводчики когда подгребнут?

- Водопроводчики, - каменным голосом произнесла Клавдия Ивановна и глубоко вздохнула, - не подгребнут.

- Не поняла?

Ян вкратце объяснил диспозицию.

- Давайте сунем им в зубы пятачку, и всех делов!

- Не будем мы давать им никаких денег! - взвилась Вера. - Они обязаны ликвидировать засор бесплатно!

- Да! Когда меня вызывают на другое отделение консультировать, я же не требую за это денег. Иду бесплатно, бывает, и оперирую.

- Ну так вы, в натуре, не водопроводчик. Доктор же, не хвост собачий, - сказала новая докторица из-под раковины.

- Лучше бы я был водопроводчиком. Нет уж, никаких денег они от меня не дождутся. Из принципа!

- Так это чего, у вас принципы такие, чтобы стоять в дерьме по колено?

Ян с Верой и Клавдией Ивановной переглянулись.

- Куда мы денемся с подводной лодки? - продолжала наглая девица. - Вечно тут тусоваться, что ли? Лично я домой хочу.

- С другой стороны, Ян... Девка права, - вступила Клавдия Ивановна, - поставила нас администрация в позу, так тут уж, как говорится, не суетись под клиентом.

– Ясен пень! Скинемся на троих по сто шестьдесят пять рублей, бабушку в долю брать не будем, да и все. С больных потом стрясем.

Ян в немом восхищении смотрел на новую коллегу. Человек, способный разделить пятьсот на три в уме, казался ему существом высшего порядка.

– Чего это ты бабушку в долю брать не будешь? У бабушки, к твоему сведению, военная пенсия и зарплата поболее твоего! – сварливо сказала Клавдия Ивановна.

– И у меня военная пенсия, – похвастался Ян Александрович.

– Давайте еще посчитаем совокупный доход каждого и высчитаем, по сколько будем сбрасываться. Я звоню, короче, Валерке. Капитулирую!

И Вера схватила телефонную трубку.

– Мы с Яном, как пенсионеры, по сто пятьдесят, а вы, девчонки, по сотне, – сказала Клавдия Ивановна.

– Валера, гнида, – так Вера пыталась сохранить лицо, – давай, пей нашу кровь. Срочно присылай нам специалиста, деньги будут. Но ты, ты... Попробуй только сунуться к нам с какой-нибудь болячкой! Мы тебя по полной программе разведем, по максимальной цене! Будь спокоен!

После расчета с водопроводчиком Ян Александрович уже не мог позволить себе с шиком проехаться домой на маршрутке. Он, как истинный пенсионер, тосковал на остановке в ожидании автобуса. Было темно и холодно, фонари горели слабо, как лампочки в пыльном чулане. Ян смотрел на светящиеся окна домов и представлял, какая уютная и счастливая жизнь происходит за этими окнами. Там ласковая жена, озорные, но любящие и любимые дети, запах пирогов из кухни и теплый плед. Из всего этого у самого Яна имелся только теплый плед.

От жалости к себе, неприкаянному, он закурил, хотя тысячу раз зарекался не дымить на улице.

Около него остановилась черная «Волга» и посигналила. Приглядевшись, Ян Александрович узнал служебную машину главного врача. Он подошел, открыл

заднюю дверь и засунул голову в салон:

- Здравствуйте, Алевтина Васильевна.

- Подвезти, Ян Александрович?

- Премного благодарен.

Отказ выглядел бы глупо и нелепо. Ян выбросил сигарету и уселся, стараясь, чтобы его бедро не соприкасалось с бедром главного врача.

- Вы, кажется, живете недалеко? На Ивановской?

- Совершенно точно. И как вы только помните?

- Ну, я наперечет знаю своих сотрудников с таким большим творческим потенциалом, - ядовито сказала Алевтина Васильевна, и Ян немного смутился.

Главный врач откинулась на спинку сиденья и закурила, непристойно вытягивая губы. Она была необыкновенно красивой женщиной, в Голливуде ее приняли бы как родную. Алевтина Васильевна могла бы свести с ума любого мужчину, даже не такого страшного бабника, как Ян, и она прекрасно это знала.

Элегантно, насколько это было возможно на заднем сиденье автомобиля, она закинула ногу на ногу, так что строгая юбка поднялась значительно выше колена. «Какого черта я сел к ней в машину?» - раздраженно подумал Ян.

* * *

Катя не любила посещать директора музыкального училища. Она прекрасно знала, что является одной из лучших преподавательниц фортепиано в городе и работает почти безупречно, но все равно боялась. Больше всего - того, что вскроется ее ужасная тайна: она дает частные уроки в своем классе после обязательных занятий. Это было бы трагедией, ведь левый заработок составлял основную часть ее дохода, и Катя уже привыкла жить на сравнительно широкую ногу. Перенести частные уроки к себе домой она не могла, мама категорически

запрещала это, поэтому Катя жила в постоянном страхе.

Кроме того, даже если вызов к директору не был связан с ее разоблачением, то ничего хорошего, кроме нудных поручений распределить педнагрузку, ее там все равно не ждало.

– Екатерина Николаевна, дорогая, садитесь! – Директор училища, пожилой дядечка шарообразного вида, бывший трубач, встретил ее необыкновенно радушно. – Не хотите ли кофейку перед началом рабочего дня? Я сам варю. Покупаю только зерна, мелю их непосредственно перед употреблением и завариваю в турочке. Будете пить?

– Что вы, мне неловко затруднять вас.

«Какой кофе может быть с твоим давлением? – хотелось ей спросить директора. – Тебе же один шаг до инсульта остался!»

– Боже мой, что вы говорите, дорогая Екатерина Николаевна! Это радость – угостить такую прелестную женщину!

«Почему он сегодня в таком игривом настроении, старый ловелас? – подумала Катя. – Неспроста это...»

Тем не менее она терпеливо сидела, пока директор осуществлял все необходимые для приготовления кофе манипуляции. У него был очень маленький кабинет, в котором едва умещались письменный стол, вешалка для одежды и шкаф с классными журналами. Комнатка давно требовала косметического ремонта, побелка осыпалась, а обои кое-где были прихвачены скотчем. Директор был под стать своему кабинету. Если бы вдруг по мановению волшебной палочки в кабинете сделался евроремонт, то директор со своей лысиной, в заштопанном пиджаке и неопишемом галстуке стал бы здесь инородным телом.

Наконец Катя получила микроскопическую чашку кофе.

– У меня к вам просьба, дорогая. Несколько необычная, даже странная, и вы можете отказаться... Никто вас не осудит...

– Я слушаю вас, Петр Петрович.

– Видите ли, вы очень талантливы, я знаю. Знаю и то, что ваши ученицы готовятся к конкурсу...

– Вы хотите меня уволить? – брякнула Катя.

– Боже упаси! Разумеется, нет! Как вы могли подумать? Я хочу вас послать в командировку. В некотором роде.

– Но я не могу никуда ехать! Конкурс на носу, как я девочек оставлю? И другие ученики тоже... Я наметила программы, многие только начали работать над произведениями.

– Я все понимаю. Но с другой стороны, вашим конкурсанткам будет только полезно, чтобы кто-то взглянул на них свежим глазом. Потом, вы территориально останетесь в городе и сможете, если захотите, заниматься с девочками. Вы, надеюсь, помните Маргариту Матвеевну?

– Разумеется, я даже немного у нее училась.

– Видите ли, Катенька, она заболела. Ее положили в больницу и обнаружили на желудке опухоль.

– Ох, какой кошмар!

– Именно. Будут делать операцию. Я говорил с доктором, он все мне объяснил, сказал, что это единственная возможность спасти Маргариту Матвеевну, но потребуется помощь. А у нее никого, она совершенно одинока. Вот я и подумал, что вы, как молодая женщина и ее ученица, могли бы помочь. За ней же нужно ухаживать. И сейчас, и тем более после операции. Вот я и хочу направить вас в командировку в больницу. Конечно, зарплата сохранится за вами в полном объеме, и другие коллеги будут периодически подменять вас, но вы будете главной сиделкой. Как, Екатерина Николаевна?

«Пропали левые уроки», – подумала Катя.

– Хорошо, я согласна. Когда приступать? – Отказаться было просто невозможно. Не то чтобы Катя очень любила Маргариту Матвеевну или сильно хотела ей помочь, но кем ее посчитают сотрудники, если она откажет?

– Чем раньше, тем лучше. Сегодня день доработайте, сдайте дела Людмиле Ароновне и Валентине Петровне, а завтра с утра и начнете. Вот координаты, где лежит Маргарита Матвеевна. Когда вам понадобится отлучиться, звоните мне, и я тут же пришлю вам замену.

– Как ты могла согласиться на такое унижение? – Мама расхаживала по кухне вокруг Кати.

– Я же тебе все объяснила. – Катя гладила халатики и полотенца, с которыми собиралась завтра отбыть к новому месту службы.

– Но это форменное безобразие! И ты тоже хороша. Я, Катя, не понимаю, как можно быть настолько лишенной чувства собственного достоинства.

Катя молча водила утюгом по спинке цветастого халата. Когда-то это было ее парадное платье, в нем она первый раз целовалась с мальчиком. Ей безумно нравился рисунок ткани, только теперь он поблек, как поблекла и она сама, и ее чувства.

– Нет, ты, кажется, даже не понимаешь ситуации. Тебе дали понять, какое место ты занимаешь в училище, а ты, вместо того чтобы возмутиться, соглашаешься выносить горшки.

«Горшки, да», – мрачно подумала Катя. Этот аспект она как-то упустила из виду. Ей работа сиделки виделась в романтическом свете. Вот она сидит читает Маргарите Матвеевне газету, вот поправляет ей одеяло, дает попить... Потом подходит к соседней кровати, спрашивает, не нужно ли чем помочь...

И эта прелестная картинка оказалась грубо перечеркнута. Катя засомневалась, под силу ли ей будет подавать судно, но теперь уже ничего нельзя было поделать.

– Что ты молчишь?

Следовало срочно что-то сказать матери, иначе она могла бы счесть, что Катя ее игнорирует и оскорбляет молчанием.

– Но, мама, Маргарита Матвеевна нуждается в помощи.

– Это я понимаю. Только не могу понять, почему на должность сиделки выбрана именно ты! Что, у вас нет сотрудников без высшего образования? Уборщицы какой-нибудь? Конечно, ты должна исполнить свой долг перед старушкой, навестить ее, принести передачку, но ни в коем случае нельзя превращаться в бессловесную сиделку. Или ты не чувствуешь, насколько это оскорбительно для тебя?

– Но что же делать?

– Не знаю! Во всяком случае, нельзя было соглашаться на это возмутительное предложение. Я думаю, что на твоем месте немедленно подала бы заявление об уходе, если бы мне так определенно дали понять, что не ценят меня как специалиста.

– Наоборот, меня считают очень добросовестным работником. Поэтому и выбрали на роль сиделки.

– Разумеется! Никак иначе! А о том, что у тебя конкурс на носу, они просто забыли! Они совсем не подумали о том, что если твои ученики победят, то все лавры достанутся тем педагогам, которые заменят тебя, пока ты будешь изображать из себя мать Терезу. Ни на секунду об этом не подумали, уверяю!

Черт, а ведь и правда! Катя совсем упустила это из виду. Нет, все-таки мама всегда смотрит в корень. Валентина Петровна наверняка уже вцепилась в ее девочек, как щука. Если они победят, хотя бы одна из них, то Валя разнесет по всей вселенной, что готовила их к конкурсу именно она, присвоит себе все заслуги педагога, а о Кате даже не вспомнит.

– Мама, это не первый и не последний конкурс. Мне важны не лавры, а сознание того, что я вырастила хороших музыкантов.

– Да что ты говоришь?!

Конечно, мама права. Кате хотелось бы стоять рядом со своими девочками во время их триумфа, может быть, ее даже показали бы по телевизору. Она смогла бы повидаться со старыми друзьями, с однокурсниками. Действительно, почему это Петр Петрович выбрал ее ходить за старухой? Маргарита Матвеевна не была ее наставницей, просто около года преподавала в их группе теорию музыки, и у Кати не было перед ней никаких обязательств. Почему он обратился именно к Кате? Знал, что она не откажет? Или она была не первой, просто остальные оказались умнее?

Светка – так звали новую докторицу – и Цырлин сразу невзлюбили друг друга. Ян, конечно, был от Светки тоже не в восторге, но относился к ней спокойно, понимая, что даже это все-таки лучше, чем ничего. Клавдии Ивановне Светка понравилась. Вера надеялась, что она, пройдя хорошую школу на первом отделении, сможет подрастристи больных на бабки. И только Цырлина всего перекашивало от вида молодой врачихи.

Ян думал: не влюбился ли, часом, почтенный отец семейства? Слишком уж он придирался к новенькой...

Светка в долгу не оставалась. Она вообще вела себя нагло, бурно реагировала на любые замечания, так что с патриархальной атмосферой, прежде царившей в ординаторской, пришлось распрощаться.

Подойдя к двери, Колдунов поморщился. В ординаторской опять ругались.

– Вы, доктор, не имеете даже понятия о терминах, – Цырлин всегда изъяснялся подчеркнуто интеллигентно, – вы позволяете себе говорить недопустимые вещи.

– Нет, а чего я сделала?

– Во-первых, не чего, а что. Вы обязаны хотя бы на службе следить за своей речью.

Колдунов рухнул на диван и закурил. Светка щелчком подтолкнула ему пепельницу.

- Перестаньте оба кричать. В коридоре слышно, - лениво сказал он.

- Ян Александрович, поведение Светланы Эдуардовны негуманно. Может быть, на первом отделении такое было в порядке вещей, но мы, Светлана Эдуардовна, стараемся все-таки не ронять высокого достоинства врача в грязь, несмотря на страховую медицину и прочие ужасы. Вы, дорогой товарищ заведующий, должны работать с кадрами!

- Хорошо, Светлана Эдуардовна, проведем с вами индивидуальное занятие. В вечернее время. - Ян подмигнул Светке.

- Угу, только вы уж достоинство врача не уроните, - огрызнулась та.

- Вам все шуточки. А дождетесь жалобы от пациентов, не до шуток будет, - пригрозил Цырлин.

- Что ты опять натворила, чудо? Я прямо спрашивать боюсь. - Затянувшись сигаретой, Колдунов прищурился.

- Да ничего я не делала, - заныла Светка, - Эрнст Михайлович волну гонит, сам не знает чего. Ну сказала Кононовой, палке старой, что она и без черной икры поправится, ну и что?

- Действительно, что? Вот если бы ты сказала, что, даже постоянно поглощая черную икру, Кононова в ближайшее время отойдет в лучший мир, был бы предмет для разбирательства.

Эрнст Михайлович даже поднялся. Был он маленького роста, довольно пухлый, с характерной семитской внешностью. Обычно он сохранял на лице маску высокомерного спокойствия, а сейчас негодовал, и это возбуждение чрезвычайно ему шло.

- Ян Александрович, я перевязывал больную, она спросила меня, что ей нужно есть, чтобы раны быстрее заживали. Тут зашла Светлана Эдуардовна, хотя ее,

кстати сказать, никто не приглашал. Я сказал больной, что нужно много белка и витаминов, что очень полезна черная икра. Пациентка ответила, что скажет дочке, чтобы та купила ей немного. И вдруг наше юное дарование подходит, хлопает больную по плечу и говорит буквально: «Ничего, бабуля, и без икры на ноги встанешь. А то от нее осложнения бывают, пятнами можешь пойти, такую красоту испортишь!»

Ян чуть не подавился дымом. Конечно, Кононова была скандальной бабой, замордовавшей и отделение, и свою дочку. Колдунов знал, что покупка даже баночки деликатеса нанесет глубокую рану дочкиному бюджету, и внутренне согласился с каждым Светкиным словом. Но возможные последствия ее выходки...

- Что ответила бабка?

- А как вы думаете? Подробности можно опустить, но жалобу она напишет.

- Нехорошо, Светочка. Не успела начать работать, как уже подставляешь отделение под удар.

Светка ухмыльнулась, воинственно выпятила челюсть, сережки в ее ушах угрожающе зазвенели. Она даже встала с дивана и прошлась по ординаторской. Со своей ало-желто-черной прической, яркой раскраской лица и юбкой не длиннее набедренной повязки она была похожа на полинезийского вождя перед началом охоты.

- Да чего я подставляю! Кто теперь эти жалобы читает! Администрация наша болт забила на больных, вы разве не в курсе? За жмуриков даже не долбают, а вы старой дуры боитесь.

Ян Александрович только пожал плечами. Действительно, качество медицинской помощи было последним, что волновало медицинское начальство. Колдунов уже забыл, когда его вызывали на ЛКК [1 - ЛКК - лечебно-контрольная комиссия. Это конференция, где обсуждается клинический случай и компетентные специалисты указывают доктору на совершенные им ошибки, но исправить что-либо оказывается, как правило, уже невозможно.], за последние несколько лет он не получил ни одного нагоняя за летальный исход. И вовсе не потому, что стал безупречно лечить больных. Просто ругали теперь совсем за другие вещи:

за перерасход лекарств, за длинный койко-день, за отсутствие платных больных. Поступившего в больницу нужно было лечить минимальными средствами, а хорошо там или плохо, выживал человек или нет, никого не волновало. Колдунов уже смирился с этим, но надеялся, что молодые врачи еще питают хоть какие-то иллюзии относительно своей профессии. Увы...

– Так что нечего! – заключила Светка. – Если так всего стрематься, перед больными ломаться, то и будем на одну зарплату сидеть. Я смотрю, они тут у вас совсем на халяву расслабились. Не понимают, что доктора подогреть надо. Чего там, даже за лекарства платить не хотят.

– Да, это я виноват. Не умею я про деньги разговаривать. Каждый раз обещаю себе, что буду неумолим, но каждый же раз язык не поворачивается. Деньги нужны, конечно, хотя бы на нужды отделения. Нам же никто ни на ремонт, ни на белье не дает. Может быть, ты, Света, специалист в этом деле?

Светка потупилась.

– Тут я в вечном пролете, – она тяжело вздохнула, – меня за это и поперли с первой хирургии.

– Вот уж, Светлана Эдуардовна, не будем приbedняться, – вступил Цырлин, – выгнали вас совершенно за другие дела. И не прикидывайтесь невинной овечкой.

– Вы меня заинтриговали, Эрнст Михайлович, – вскинулся Колдунов. – Не поделитесь ли своими знаниями?

– Охотно. Когда Светлана Эдуардовна оперировала, подошел профессор Коровин и спросил, что она делает. Потом попросил продемонстрировать ему операционное поле, но наша Светочка отказалась. И знаете, что она при этом сказала профессору? Что полработы не показывают.

– Хоть слово «дуракам» у тебя хватило выдержки опустить?

– Да, но он, лось сохатый, просек.

Ян улыбнулся. Профессора Коровина он знал прекрасно. Они вместе учились в адъюнктуре[2 - Адъюнктура – то же самое, что аспирантура, только у военных. Адъюнкт (аспирант) в течение трех лет занимается научной работой, пишет диссертацию и после ее защиты становится кандидатом наук.], вместе делали стремительную карьеру, и если Янова профессиональная судьба резко, на полном ходу, врезалась в бетонную стену, то коровинская продолжала нестись к заоблачным высям.

Колдунов ему не то что полработы, вообще ничего бы не показал.

- Да, дитя мое, - вздохнул он, - если ты так с профессорами обращаешься, то меня, наверное, просто будешь посылать... Коньяку, короче, хочешь? А вы, Эрнст Михайлович?

* * *

Катя была в шоке. Маргарита Матвеевна, несмотря на тяжелую болезнь, выглядела довольно прилично, насколько это было возможно для почти восьмидесятилетней женщины. Она вообще старалась быть необременительной пациенткой, хотела максимально обслуживать себя сама и всячески противилась Катиным услугам.

Но ее соседки по палате, пенсионерки, решили, что Катя не должна ограничивать свое внимание одной Маргаритой Матвеевной, а, напротив, должна распространить его на всю палату.

Только и слышалось: «деточка, поправь подушку», «доченька, дай воды попить» и самое страшное – «подай, пожалуйста, судно».

Нельзя же было сказать этим божьим одуванчикам, что она не обязана ничего для них делать!

Перед тем как вынести судно, Катя долго собиралась с силами. Она была уверена, что ее стошнит, поэтому, прежде чем достать сосуд из-под бабушки, некоторое время глубоко подышала.

Потом подумала, что рано или поздно ей все равно придется столкнуться с этой проблемой, да и вообще в палате пахнет отнюдь не розами, задержала дыхание и вынесла судно, даже не поморщившись.

Вид отделения повергал Катю в страшную тоску. Палата на семь человек, разномастные кровати с серым бельем и матрасами, набитыми неизвестно чем, облупленные стены и разошедшиеся оконные рамы, из которых немилосердно задувало, – вот каким был интерьер, которым ей предстояло теперь любоваться.

От врачихи, лечившей Маргариту Матвеевну, Катя тоже пришла в ужас. Та одевалась еще более экстремально, чем Катины подростки. А юбку и белый халатик наверняка выбирала, сверяясь с анатомическим атласом, чтобы, не дай Бог, не скрыть ни одного миллиметра своих шикарных ног.

Но если в училище Катя могла просто не пустить на урок супермодную ученицу, то здесь приходилось терпеть. Очень быстро выяснилось, что Светлана Эдуардовна не только модница, но еще и хамка. Когда Катя сказала, что из окна ужасно дует, та ответила: «Не сдует!»

– Но вы должны позаботиться, чтобы больные не простужались, и заклеить окна.

– Хорошо, я здесь заклею, а вы у меня дома. Запомните: кроме как делать назначения, я вам ничего не должна!

«Еще неизвестно, какие она назначения сделает», – мрачно подумала Катя и решила, что сама заклеит окно, пока Маргарита Матвеевна еще не прооперирована и не требует слишком пристального ухода. Старушка отпустила ее ночевать домой, и Катя решила прийти завтра с утра с теплыми трениками, газетами и оконной бумагой. Мыть и заклеивать окна она ненавидела, но другого выхода не было. В этом ужасном отделении заставить кого-то выполнять свои обязанности, кажется, невозможно.

Она вышла покурить, чтобы немного отвлечься, но не тут-то было. Почти сразу же подошла Светлана Эдуардовна. Вслед за ней, покачиваясь, появился мужчина лет сорока. Он в изнеможении облокотился о стену и уставился на Катю. Катя смутилась. Изумительно красивый брюнет с ярко-синими глазами! И эти ярко-синие глаза смотрели на нее довольно-таки сальным взглядом. Наверное, мужчина утром брился, но сейчас на щеках пробивалась явственная

щетина. Так же быстро обрастал и Георгий Маркович, но небритый виолончелист казался всего лишь неопрятным, а у этого врача щетина довершала облик похотливого самца. Катя почувствовала себя раздетой и поежилась.

– К-какая рыжая, – вдруг проникновенно произнес самец и качнулся в Катину сторону.

– Ладно-ладно, – Светлана Эдуардовна придержала коллегу за плечо, – идите уже к себе.

Врач покорно развернулся и исчез в коридоре.

– Кто это? – спросила Катя.

– Наш заведующий, Ян Александрович. Будет вашу бабушку оперировать.

– В таком случае, думаю, моя карьера сиделки будет очень недолгой, – ядовито произнесла Катя, гордо затушила окурок и удалилась.

В палате Катю ждал сюрприз. Какой-то добрый человек положил на свободную койку странное существо. Раньше Катя, встречая таких на улице, обходила их по максимально широкой дуге и с максимально возможной для нее скоростью. А вот теперь представилась возможность познакомиться с бомжами, можно сказать, изучить эту разновидность человечества во всех деталях.

Она с ужасом смотрела на тощее тело, неподвижно лежащее на кровати, на грязную кожу, всю в синяках и расчесах, на одутловатое, без всякого выражения лицо. Как можно дойти до такого? Запах от новой обитательницы палаты был просто нестерпимый, но стоило Кате открыть форточку, старушки хором заголосили, что они неминуемо простудятся, подхватят пневмонию и умрут. Она пожалала плечами, но форточку закрыла. Через короткое время выяснилось, что бомжиха решила атаковать все их органы чувств. Не только зрение и обоняние, но еще и слух. Тетка принялась подвывать. То громче, то тише, без всякой системы, и от этого музыкальные уши Кати и Маргариты Матвеевны страдали особенно сильно. Все попытки Кати установить с ней контакт были безуспешны, бомжиха не понимала, что от нее хотят.

– Иди домой, Катенька, – сказала Маргарита Матвеевна, – поскольку я вполне способна сама обслужить себя, тебе совершенно незачем находиться в столь изысканном обществе. Иди, детка. Ты не сможешь мне сейчас ничем помочь.

– А почему это она не может помочь? – басом спросила соседка Маргариты. – Пусть пойдет к дежурному врачу и потребует, чтобы ее от нас убрали. Они не имеют права к нам такое классть! Вы только посмотрите на нее, это же ходячий питомник вшей и туберкулезных палочек!

– Ну, насчет ходячего это вы преувеличиваете, – улыбнулась Маргарита Матвеевна. – Не думаю, Катюша, что тебе стоит идти отстаивать наши интересы. В конце концов, она больной человек и имеет не меньше прав находиться здесь, чем мы.

– Но для таких должен быть специальный изолятор! Они здесь ребята ушлые, изолятор сдают под видом отдельной платной палаты, а бомжей к приличным людям распикивают. И ведь специально в нашу палату положили, где одни беспомощные старушки. Решили, что над нами можно издеваться как угодно, а мы будем все терпеть. Нет, Катенька, вы сходите и пригрозите!

Кате не хотелось идти скандалить, но оставлять Маргариту Матвеевну в таком бедственном положении не хотелось еще больше. Поэтому она собралась с духом и отправилась в ординаторскую.

– До утра этого дотяну, сдам смену, и пусть они его хоронят! – услышала Катя, открывая дверь, и содрогнулась.

Говорила Светлана Эдуардовна, впрочем, увидев Катю, она сразу осеклась.

– Что вам? – спросила докторша. – Рабочий день закончен.

– Я вижу, – с тонким сарказмом ответила Катя, в упор глядя на заведующего. Тот полулежал на письменном столе, подпирая голову кулаком, отчего его лицо съехало на сторону. Услышав посторонний голос, заведующий приоткрыл один глаз.

– А, рыжая, – протянул он, блаженно улыбнулся и снова погрузился в транс.

- Послушайте, Светлана Эдуардовна, - заволновалась Катя, - у нас новая пациентка в палате.

- Да-да, - сказала докторша и радостно засмеялась. - Чудо в перьях, правда?

- Но с ней невозможно рядом находиться.

- И что вы хотите?

- Нельзя ли ее от нас куда-нибудь перевести?

- Куда это, интересно? В других палатах такие же люди лежат, ничем не хуже.

- Кого не хуже? Нас или ее?

- Люди, - назидательно произнесла Светлана Эдуардовна, - все одинаковые. И не нам судить, кто на самом деле лучше.

- Нет, но вы должны положить ее в отдельную палату. В изолятор.

Светлана Эдуардовна набрала в грудь побольше воздуха, но тут в разговор вступил заведующий. Лучезарно улыбаясь, он сказал:

- Конечно-конечно. Как только мы найдем у нее дизентерию или сальмонеллез, мы моментально поместим ее в изолятор. Можете быть в этом уверены. Ну а пока что медицинских показаний к изоляции нет.

- Но...

- Пожалуйста, если вы хотите оградить себя от дурного общества, купите отдельную палату. А пока придется терпеть, - сказал заведующий, закрыл глаза и замолчал. Видно было, что такая длинная фраза далась ему ценой невероятного интеллектуального напряжения, и теперь требовалось восстановить силы с помощью освежающего сна.

Катя рассердилась. Если бы врачи стали вежливо извиняться, просить прощения за неудобство, она сама извинилась бы перед ними за беспокойство и ушла. Но такое наглое поведение вдохновило ее на борьбу.

– Почему я должна покупать отдельную палату? Вы обязаны следить за тем, чтобы вашим больным было удобно, чтобы они ничем не заразились за время пребывания в стационаре. Это ваш врачебный долг!

В этом месте Катиной речи Светлана Эдуардовна с Колдуновым переглянулись и обидно засмеялись.

– У вас есть специальный изолятор, я знаю. Уж не его ли вы мне предлагаете купить под видом отдельной палаты?

– Он занят. Господи, да у нас пол-отделения бомжи. Если всех изолировать, никаких палат не хватит, ни платных, ни бесплатных. Идите сами посмотрите, кто у нас лежит!

– Но что-то вы должны сделать! Она же кричит все время и никому спать не дает.

Ян Александрович встрепнулся.

– Что же я сделаю? – простонал он. – Куда я ее дену? В унитаз спущу, что ли? Или кляп ей в рот засуну?

– Вообще-то здесь больница, а не курорт! – добавила докторша.

Катя приосанилась.

– Я вижу, что здесь не курорт! Но того, что здесь больница, то есть место, где лечат людей, я пока тоже не вижу. Нигде и никогда я раньше не встречала такого отношения. Будто здесь не пациенты, а осужденные на смертную казнь!

Сказав эти слова, она, пытаясь, чтобы получилось так же внушительно, как у мамы, вздернула подбородок и удалилась.

– Петр Петрович, куда вы определили Маргариту Матвеевну? – кричала она вечером в телефонную трубку. – Это же сарай! А персонал? Лечащий врач какая-то девка, извините, а заведующий – алкоголик! Они же зарежут и даже не заметят. Неужели нельзя было найти заведение поприличнее?

– Во-первых, говорят, что этот алкоголик неплохой хирург, я узнавал. А потом, Катенька, приличные места денег стоят.

– Можно же скинуться! Если взять со всех сотрудников рублей по... Да хоть и по тысяче.

– Я и заставил скинуться. И уверяю вас, впритык хватило на этот сарай, как вы выражаетесь.

– Как?! Это же муниципальная больница, Маргарита Матвеевна застрахована, у нее есть полис, так что она должна лечиться бесплатно.

– Бесплатно она может недельку полежать на больничной койке. Такую сложную операцию, как удаление желудка, страховая компания ей не оплатит. Нужно самим покупать все лекарства, какие-то там скобки для операции, переливание крови тоже стоит денег.

– Но почему? Ведь это принцип страхования – брать понемногу со всех, чтобы выплачивать потом пострадавшему всю сумму. Если они с нас всех берут деньги на обязательное страхование, а потом никому не выплачивают, то это мошенничество получается.

– Ох, Катя, Катя, вы будто на Луне живете. Да когда государство с нами честно поступало? Им же выгоднее поскорее со старушкой распрощаться – мало того что расходов на лечение нет, так еще и пенсию выплачивать не придется. Так что, дорогая моя, потерпите. Конечно, если эта обстановка невыносима для вас, я постараюсь найти вам замену.

Ага, чтобы все потом считали Катю капризной и слабой дамочкой!

– Мне-то что, Маргариту Матвеевну жалко.

Катя уже собиралась заснуть, когда в комнату зашла мама. Она села на край Катиной постели, погладила дочь по голове.

– Ну что, влипла? А я тебя предупреждала! Краем уха я слышала, о чем вы говорили с Петром Петровичем. Вы что, собираетесь с ним платить за все лекарства? Да еще и доктору конвертик небось сунете?

– Мама, я не знаю. Мое дело – ухаживать. Финансовой стороной ведает наш директор.

– Вроде бы взрослый человек, а такой дурак, – вздохнула мама. – Эти доктора ему лапши на уши навешали, а он и поверил. Обеспечивает государство лечение, можешь не сомневаться. Просто эти жулики вымогают деньги у народа, и все дела. Я завтра, пожалуй, с тобой схожу, посмотрю, что к чему.

– Не думаю, что это будет удобно.

– Уж поверь, я-то знаю, что удобно, а что нет! – обиженно сказала мама. – Нельзя безропотно сносить, когда тебя так нагло обманывают. Вот Анастасия Сергеевна недавно лежала в больнице, так с нее тоже пытались взять денег, якобы за лекарства. Тоже ныли, что у них ничего нет. Я сходила к главному врачу, и все прекрасно уладилось. Катя, у них все есть, но они пользуются растерянностью больного человека, его беспомощностью и страхом. Это настоящее жульничество, и притом самое безнравственное, какое только можно себе вообразить. Понимаешь, если люди забыли, какое высокое звание они носят, забыли, что врач – это особая, святая профессия, то следует подумать, стоит ли поддерживать отношения с этими людьми. А когда врач берет взятку! Боже мой, Катя, это же позор! Я, например, уже не могу считать такого врача равным себе, общение с ним унижает меня. Ты скажешь, что у них маленькие зарплаты? – задала мама риторический вопрос, хотя Катя ей ничего не пыталась возразить. – Пусть так! Но я тоже работаю в государственном учреждении, однако никогда не взяла ни у кого ни копейки.

Даже сильно напрягая воображение, Катя не могла представить себе ситуацию, чтобы кто-то стал предлагать взятку скромной сотруднице физико-технического института.

– Нет, Катенька, я всегда считала медицину особой специальностью, где работают самоотверженные, чистые люди. Знаешь, какой девиз у их профессии? «Светя другим, сгораю сам». Так-то. И вдруг – такое наглое мошенничество. Боже, да с кого они берут деньги! С несчастной старухи, у которой только и есть что на похороны. А если бы не ваш Петр Петрович? Если бы он не проявил инициативу и не собрал денег? Они оставили бы твою Маргариту Матвеевну без помощи! И ничего бы у них не дрогнуло. Боже, Катя, среди каких людей приходится нам жить!

Под конец этой пламенной речи Катя уже дремала. В меркнувшем сознании, как в морской глубине, плавал беспутный заведующий, посверкивая грешными синими глазами.

Катя поехала в больницу к восьми утра, нужно было помочь Маргарите Матвеевне умыться и покормить ее завтраком. Собственно, больная могла и сама поесть, но у нее совсем не было аппетита. А вдобавок больничная еда не вызвала бы аппетит даже у здорового лесоруба, поэтому Катя возила ей домашнее.

Вставать в такую рань было для Кати в новинку, кроме того, она привыкла ездить на работу в тот час, когда основной поток людей уже достигал пункта назначения. Поэтому, злая, невыспавшаяся, зажатая в метро между двумя объемистыми тетками, обруганная за то, что сует свои сумки куда не надо, Катя остро пожалела, что не нашла в себе достаточно сил отказаться от роли сиделки.

Одна радость, мама не поехала с ней. Наверное, от нежелания подниматься с постели ни свет ни заря.

Кате совсем не хотелось вникать в денежные вопросы. Она сама была небезупречна, как-никак давала частные уроки, но ни словом не упоминала о них, заполняя декларацию о доходах. Вчера вечером мама все говорила правильно, но что-то мешало Кате полностью принять ее точку зрения. Персонал отделения вовсе не нравился Кате, она прекрасно видела, что лечащий врач – шалава, а заведующий – пьяница и бабник, но совсем смешивать их с грязью, считать людьми низшего сорта ей не хотелось. Тем более не хотелось скандалить: это, кажется, совершенно бесполезно.

Катя немного поерзала, перекинула сумки из одной руки в другую. Сегодня предстоял напряженный день. После кормления Маргариты Матвеевны предстояло убрать в палате, заклеить чертовы окна, потом дать старушке пообедать и быстренько мчаться в училище. Необходимо было позаниматься с конкурсантками и как-нибудь поделикатнее растолковать им, почему педагог вдруг бросила их накануне ответственного мероприятия. О родителях девочек Катя старалась пока не думать. Слава Богу, она не обзавелась мобильным телефоном, так что в больнице они достать ее не смогут, а дома она теперь бывает только поздно вечером. Ну а мама быстро отобьет охоту звонить после десяти часов даже у самого свирепого родителя.

Как кстати была бы сейчас машина! Катя давно мечтала водить автомобиль, но мама запретила ей даже думать об автошколе: она почему-то считала, что порядочная женщина никогда не сядет за руль. Как Катя ни старалась, не могла найти логического объяснения этому принципу. Конечно, в машине ее могли ограбить, изнасиловать и даже убить, но все те же манипуляции можно было проделать над ней пешей. Может быть, маму пугало то, что, купив машину, Катя будет общаться с разными автослесарями, то есть мужчинами, и мужчинами далеко не ее круга. В общем, на автомобильные дела было наложено вето, и Катя пользовалась общественным транспортом.

Маргарита Матвеевна съела все, что Катя ей принесла. Наверное, из деликатности. А может быть, аппетит у нее усилился потому, что страшную соседку убрали из палаты. Значит, Катин визит все-таки возымел действие.

Зашла Светлана Эдуардовна. Без интереса потрогала живот Маргариты Матвеевны, велела готовиться к операции и пошла дальше. Видно было, что общение с пенсионерками мало ее вдохновляет.

– Доктор, а какой у меня стол? – спросила соседка по койке. – Нельзя ли четвертый, у меня же панкреатит.

– Здесь только пятый и пятнадцатый. Ну и голод, конечно. У вас пятый.

– А мне для поджелудочной не вредно?

– Не волнуйся, бабуля, все вредные для поджелудочной вещества унесены домой работниками столовой. Кушай на здоровье!

В таком духе продолжался весь обход. Когда новенькая больная стала перечислять свои хронические заболевания (получился внушительный список), Светлана Эдуардовна устремила мечтательный взор в окно, всем своим видом давая понять пациентке, что можно бы уже и закругляться.

Катя зашла в кабинет старшей сестры и попросила у нее ведро и тряпок для окна. Эта огромная женщина была почему-то Кате симпатична, хотя они едва перекинулись несколькими словами.

– Какой у нас сознательный родственник появился, – улыбнулась Вера Ивановна, – а то все на нас кричат, ругаются, а делать ничего не хотят. Я понимаю, грязно, из окон дует, но ведь санитаров не рожу. Сестры у нас и так половинным составом работают, им дай Бог успеть свои обязанности выполнить, а уж санитарские... Если бы я была помоложе, сама бы мыла окна, но теперь никак. Давление высокое, боюсь, из окна выпаду.

– Не выпадешь, Веруша, – в кабинет вошел заведующий, – не пролезешь просто.

Вера Ивановна засмеялась. На миг Кате показалось, что эти двое хотели расцеловаться, но не стали из-за ее присутствия. Ян Александрович сел в кресло.

– Вы надолго? – спросил он Катю равнодушно. Сегодня он был трезв и ему было совершенно все равно, рыжая она или какая еще.

– Да вот девушка хочет нам помочь. Нужно ей выдать все для заклейки окон.

– Все не надо. Бумагу я из дома принесла. Только ведро и тряпки. И переодеться где-нибудь, если можно.

Вера Ивановна встала и открыла шкаф:

– Пожалуйста, за дверцей переодевайтесь. А я пока позвоню на пост, чтобы они дали вам все необходимое.

Катя колебалась. Присутствие мужчины смущало ее, никогда в жизни она еще не снимала юбку, находясь в одной комнате с представителем сильного пола, пусть даже отгороженная импровизированной ширмой. Но как теперь отказаться? Не станешь же просить, чтобы заведующий вышел... А дожидаться от Колдунова деликатного поведения – дело пустое. Сам он никогда в жизни не догадается покинуть помещение.

Неловко дергая молнию, она зашла за дверцу шкафа.

Хлопнула дверь. «Неужели ушел?» – изумленно подумала Катя, но тут раздался нежный голосок Светланы Эдуардовны:

– Ну, блин горелый, и палатка! Окопались, старые, хоть гранату кидай! Этой вашей подруге меню, типа, не впирает. Четвертый стол ей подавай!

– Светочка, не надо. Потом обсудим.

– Да чего обсуждать! Змеюшник устроили! Мало нам больных, еще эта кобра рыжая нарисовалась! – («Это она про меня», – поняла Катя). – Злобная, как не знаю кто. Чует мое сердце, огребем мы с ней по полной программе.

– Света!!! – Колдунов выкрикивал ее имя все время, пока продолжалась обличительная тирада, но на Светлану Эдуардовну, видимо, нашел стих: «не могу молчать».

– Я, – сказала Катя, с достоинством появляясь из-за шкафа, – уже поняла, что представляет собой ваше отделение.

– Ой, – сказала докторша и засмеялась, – прикольно получилось.

– Я не хочу выяснять отношения и отвечать на ваши, Светлана Эдуардовна, оскорбления. Это значило бы опуститься до одного с вами уровня. – Катя говорила ровным холодным тоном и чувствовала, что мама была бы ею довольна. – Я просто хочу помочь своей учительнице, больше ничего. Поэтому я ничего не буду говорить о состоянии дел в этом отделении, о поведении врачей. К сожалению, ничего хорошего я сказать не могу. Удивительно, что заведующий попустительствует такому поведению и позволяет докторам выглядеть так,

будто они женщины легкого поведения...

- Эй, вы же не хотели отвечать на оскорбления, - напомнила Света.

Катя поняла, что начинает заводиться от ее спокойствия. Чтобы не сорваться, не накричать, она предпочла покинуть кабинет с гордо поднятой головой.

- Светлана, угомонишься ты или нет? - спросил Ян Александрович сурово. - Что ты как с цепи сорвалась?

- Так я сквозь дерево не вижу пока еще! Кто знал, что эта мымра у вас в засаде сидит?

- Ты могла меня послушать. Я же сказал, что мы все вопросы после обсудим. Никак было не заткнуться? Кричу: «Света, Света!» - а тебе по фигу.

- Ну достали они... Полная палата...

- Я понял уже, чего у тебя полная палата. Чудовище ты страшное! И зачем ты в медицину пошла?

Светка плюхнулась во второе кресло и закурила.

- Да черт его знает, Ян Александрович! Сама не врубаюсь. Бабок не платят. СПИД-гепатит кругом сплошной, того и гляди на операции заразишься... Уважения нет, такие козы, типа этой, даже за людей нас не считают. Ну а всякий там бред о том, что святое дело помогать людям... Так я чем дольше живу, тем меньше мне хочется им помогать. А у вас что, наоборот?

- Да то же самое.

- Ну вот! Забейте вы на эту накладку. Я таких ядовитых дамочек насквозь вижу. Она по-любому жизни нам не даст.

– Чего ты к ней привязалась? Нормальная тетка, окна вот моет. Или ты думала, что будешь ее коброй обзывать, а она тебя за это расцелует?

Вера тем временем быстро накрыла стол. Она всегда поила Яна, Эрика, а теперь и Светку чаем со своими домашними пирожками. Ее выпечка таяла во рту, и доктора ели так, что за ушами трещало. Вера называла их обжорство актом милосердия, говорила, что, когда они уничтожают ее пирожки, это позволяет ей соблюдать хотя бы подобие диеты. Отказаться от кулинарной деятельности Вере как-то не приходило в голову. Сознание того, что, какие бы дела ни творились на отделении, они всегда могут попить чаю с пирогами, создавало у докторов позитивный настрой. Вот и сейчас Ян со Светкой откусили от нежнейших булочек с маком и сразу подобрали.

– Нормальная, ха! Да там полна голова тараканов! Думаете, зачем ее понесло окна заклеивать? Чтобы все видели, какая она самоотверженная, трудолюбивая и заботливая. Голые понты!

– Света, не нужно сразу ждать от людей плохого. Ты просто злишься, что сама не смогла совершить сей благородный поступок, – ласково сказала Вера.

– Окна мыть буду только по приговору суда! Короче, я вас предупредила, что мы с этой пианисткой нахлебаемся. Вера Ивановна, можно я с собой возьму пару пирожков?

Вера собрала ей внушительный сверток, и Светка отбыла.

Колдунов налил себе еще чаю и теперь блаженно смотрел на Веру.

– Ничего девочка? – спросила старшая сестра, убирая со стола. – Мне нравится.

– Да ну! Наглая просто. Старых вообще терпеть не может.

– А кто может, ты, что ли?

– Ну я, конечно, тоже не могу. То у них тут стрельнет, то там кольнет. А я что, Бог, что ли? Из бабушек девочек не делаю.

– Ладно, не увлекайся. Разные бабки бывают. Например, наша Клавдия Ивановна. Я ни разу от нее жалобы на здоровье не слышала. И, кстати, ей Светка тоже понравилась. А уж Клавдия Ивановна со своим стажем как-нибудь плохого врача от хорошего отличить может.

Ян задумался.

– Вообще-то она истории болезни пишет правильно... И шустрая. Правда, по сравнению с Эрнстом Михайловичем любой тормоз живчиком покажется. Да Господи, Вера, о чем мы говорим! Или ты не знаешь, зачем женщины в хирурги идут? Мужика подцепить нормального, вот и все. Найдет она себе мужа, и поминай как звали.

– Может быть, ты на ней и женишься? – ядовито спросила Вера.

– Может, и женюсь...

Вечером Вера навестила Колдунова. На улице шел снег, и ее совсем замело. В дверях стоял сугроб, из которого выглядывали круглые веселые глаза. Ян долго отряхивал ее веником на лестнице.

– Замерзла?

– Не успела. Взбодрилась только.

Вера решительно прошла в кухню и открыла холодильник. Насвистывая, она уставилась в его глубины. У холостяка Колдунова там царила вечная мерзлота покупных котлет и пельменей, так что ничего интересного Вера увидеть не могла.

Из объемистой хозяйственной сумки она вытащила трехлитровую банку и большой пластиковый контейнер.

– Вот тебе суп грибной, а вот домашние котлетки... А то нельзя же всякой падалью питаться.

Ворча, Вера снова погрузилась в недра своей сумки и вынырнула уже с баночкой салата.

– Чаю хочешь, Веруш? У меня даже коробка конфет есть от благодарных пациентов.

– Да ну этих пациентов! Дарят какие-то отходы гуталиновой фабрики. И хотят, чтобы мы перед ними на задних лапках ходили. Чаю, впрочем, давай.

– А то, может, позже? – Ян подошел к Вере и стиснул ее в объятиях. – Не могу уже терпеть, так тебя хочу.

Вера засмеялась:

– Ой-ой! Что это тебя разобрало? Любишь, что ли, толстых женщин?

– Тебя люблю. – Он поцеловал ее в губы. – Ну что, без чаю обойдешься?

Они лежали в постели, крепко обнявшись.

– Как мне хорошо, Вера, если бы ты только знала!

Колдунов гладил ее по животу. Пальцы нашли знакомый рубец, заскользили по нему, будто пытаясь разгладить...

– Что, свою работу проверяешь?

Колдунов сильнее прижался к ней:

– Прости меня, Веруша. Искалечил тебя.

– Ну что ты! Думаешь, я не знаю, что такое ранение таза? Да я могла десять раз умереть, если бы не ты.

– Умереть ты могла только один раз. Поверь, я сделал все, что мог. Но все равно
– прости меня!

Вера взяла его руку в свою, несколько раз быстро поцеловала в ладонь. Она была такая ласковая, Ян таял, как мороженое, в ее объятиях...

Они были любовниками очень давно, лет, наверное, пятнадцать. Когда познакомились, Колдунов был женат и разводиться не собирался. Он делал успешную карьеру, развод мог отразиться на ней неблагоприятно. Да в принципе жена вполне его устраивала, поэтому красивая медсестра Вера (тогда она была стройной длинноволосой блондинкой), без писка отдаваясь ему, казалась приятным дополнением к жизни.

Он до сих пор не знал, на что рассчитывала Вера в начале их отношений. Надеялась ли она, что Ян женится на ней, любила ли его? Или, может быть, просто развлекалась? Какой теперь был смысл выяснять это?

Вера была его любовницей пару лет, потом удачно вышла замуж, родила троих детей, не прекращая, впрочем, необременительных отношений с ним. А он тогда совершенно не раздумывал над природой своих чувств к Вере, да и о том, как она относится к нему. У него было полно других забот, казавшихся ему чрезвычайно важными. Он писал диссертацию, сначала одну, потом сразу вторую, много оперировал, уговаривал жену родить ребенка...

Когда ему сказали, что для дальнейшего профессионального роста следует какое-то время прослужить в Чечне, Ян без колебаний согласился. Вера, к его огромному удивлению, отправилась за ним. Правда, она утверждала, что едет не из любви к нему, а потому что ее достали дети, но как проверишь...

Они провели в Чечне всю первую кампанию, Колдунов не получил даже царапины, а Веру тяжело ранило.

Вернувшись, он демобилизовался, чтобы стать главным врачом одной из городских больниц. Покомандовал несколько месяцев, только вошел во вкус, как его вызвали в комитет и предложили незатейливую аферу. Колдунов должен был купить для больницы списанное рентгеновское оборудование под видом нового. Часть прибыли от этой операции должна была осесть у него в кармане. Деньги, по Яновым меркам, были огромными, причем ему намекнули, что это не

последняя комбинация, в которой ему предстоит участвовать. Колдунов с негодованием отверг это лестное предложение, подумав, что в принципе комитетские могли бы и не брать его в долю – он и не понял бы, что ему подсунули б/у вместо нового.

Последствия не заставили себя ждать. Яна обвинили в финансовых нарушениях, причем в таких сложных, что он даже не смог понять, что именно нарушил. В виде великой милости дело до суда не довели: просто предложили сдать пост и навсегда исчезнуть из медицинской элиты.

Ян так и поступил. Он понял, что если будет бороться, доказывать свою честность, то окажется за решеткой, а на это его гражданского мужества не хватало. Поэтому он безропотно ушел на дно. Жена не захотела тонуть вместе с ним и подала на развод.

Одна Вера не покинула его. Когда Ян получил это отделение, она сразу перешла к нему на должность старшей сестры. Это была удача для него – и личная, и профессиональная.

– О чем задумался? – шепнула Вера.

– О тебе. Знаешь, не могу я вспоминать тот день, когда тебя ранили. Как подумаю, мне будто кто кол под ребра вгоняет.

– А тебя не коробит, что я... Ну, ты понимаешь. Эти шрамы... Да и толстая я стала после операции, ужас.

– Дура ты, Ананас. Как была красоткой, так и осталась. Я тебя всегда хочу.

Маргарита Матвеевна отпустила Катю ночевать домой, чему та была несказанно рада. Сидение в больнице вымотало ее сильнее, чем она ожидала, и Катя не могла даже понять, чего больше в ее состоянии – душевной или физической усталости. Безумно хотелось принять душ и завалиться спать и чтобы наутро все это обернулось дурным сном.

Катя всегда была здоровым человеком, последний раз посещала врача лет пятнадцать назад, когда собирала справки для поступления в консерваторию, а потом ее общение с медициной ограничивалось ежегодной флюорографией. Справку от гинеколога ей доставала мама, так что Катя ни разу в жизни не была у этого специалиста. Когда всех девочек выпускного класса повели на осмотр, мама возмутилась и Катю не отпустила: «Какое безобразие! Это безнравственно, школьницам – и к гинекологу! Проверять вас там будут, что ли?» С тех пор мама всегда приносила искомую бумажку от своей подруги.

Поэтому внезапное погружение в человеческие страдания оказалось для Кати очень болезненным. Она думала, что пройдет время и она сама станет такой же никому не нужной старухой, так же будет лежать на неопрятной койке, пытаясь обратить на себя внимание равнодушных докторов, а те станут материть ее, едва выйдя из палаты.

В отделении лежали и молодые больные, едва ли старше Кати, и она с ужасом вглядывалась в их землистые лица.

Катя впервые подумала, что ее жизнь, пусть и не особенно счастливая, в любую минуту может перевернуться из-за неизлечимой болезни, и тогда все ее планы окажутся безжалостно перечеркнутыми.

Возможно, ее уже точит недуг, просто она еще не знает об этом. Катя вспоминала, что несколько дней назад у нее болел живот и тошнило. А еще иногда у нее кружится голова и ноют суставы. А голова болит почти каждый вечер. Раньше Катя старалась не обращать на все это внимания, а теперь думала, что это скорее всего зловещие симптомы, которые обязательно приведут ее на больничную койку.

Возле дома Катя увидела соседа Юру. Он доставал из багажника пакеты, наверное, ездил в универсам. Юра был без шапки, и крупные хлопья снега оседали на его коротких волосах.

Катя подумала, что если она тихонько постоит за деревом, то сосед ее не заметит. Ей не хотелось общаться с ним.

– Катюша, привет! – Фокус не удался.

- Добрый вечер.

Юрина машина молодецки свистнула сигнализацией и подмигнула. Сосед подхватил свои пакеты и пошел рядом с Катей.

- Ты чего со мной утром не поехала? Я ждал-ждал, поднялся к тебе, а твоя мамаша сказала, что ты давно ушла.

- Извини, что не предупредила, но я не думала, что ты станешь меня дожидаться.

- А как же иначе?

- Прости. У меня тут проблемы появились, поэтому я, честно говоря, не вспомнила о тебе.

- Что случилось? - Юра был крайне любезен. Столько усилий ради ребенка подруги! Катя даже позавидовала той женщине.

- Да так. Заболела моя учительница, теперь приходится торчать в больнице. Юра, я пока не смогу с тобой ездить. И ребенка пока не смогу посмотреть, у меня просто не будет времени. Около месяца, наверное.

- А потом согласишься?

- Конечно.

- А хочешь, я тебя завтра до больницы подкину? Если она, конечно, не на другом конце города.

- Это неудобно, Юра. Мне не хотелось бы одалживаться у тебя.

- Какое одолжение!

- Нет-нет, спасибо. Ты вообще не должен превращаться в моего шофера.

Катя осталась очень собой довольна. Искушение было велико, но ей удалось его побороть. Она ничем не будет обязана соседу. Неприятно было не то, что Юра просил ее о помощи, а то, что он пытался манипулировать ею. Если бы он просто зашел по-соседски и попросил прослушать ребенка, Катя, безусловно, сделала бы это, притом совершенно бесплатно. Но он предпочел сначала оказать Кате услугу, сделать ее своей должницей – а такие торгашеские отношения между интеллигентными людьми недопустимы.

На следующий день Маргарите Матвеевне назначили день операции. Старушка, кажется, совсем не боялась предстоящего испытания. Она была абсолютно спокойна, шутила с Катей и с соседками по палате. Неожиданно выяснилось, что она когда-то была знакома с перевязочной сестрой, поэтому обе старушки периодически исчезали с таинственным видом минут на двадцать. Возвращалась Маргарита Матвеевна веселая, благоухающая табаком, а один раз чуткий Катин нос уловил запах спиртного. Понимала ли Маргарита, что во время операции может умереть? Этого Катя не знала.

В общем, пока что обязанности сиделки были необременительны. К тому же в училище Катю уже не ждали, ее учеников распределили между другими педагогами. Чтобы не томиться от безделья, она заклеила окна во всех палатах, причем Маргарита Матвеевна принимала живейшее участие в этом процессе. Она бегала возле подоконников и восклицала: «Ох, Катюша, осторожнее!», «Ой, не упади!» и «Бедная девочка, ты же себе все руки испортишь!» Наконец Клавдия Ивановна нейтрализовала подружку, вручив ей огромную стопку нарезанной марли, из которой Маргарите Матвеевне предстояло наделать салфеток для перевязок.

Когда Катя заклеивала окно в одной из палат, зашел заведующий. Он хмуро посмотрел, как она балансирует на подоконнике, и сказал:

– Осторожнее, а то нам для полного счастья только парашютистки не хватает. Закончите – зайдите ко мне в кабинет на беседу.

Слов благодарности за то, что, не щадя себя, она благоустраивает вверенное ему отделение, Катя так и не услышала.

Тщательно вымыв лицо и руки, она переоделась, поправила прическу и отправилась на поиски заведующего.

Его обитель представляла собой каморку под лестницей, и Катя несколько раз прошла мимо, прежде чем ее обнаружила. На табличке, небрежно приколоченной к двери, Катя с удивлением прочитала, что Колдунов является доктором наук. Во-первых, заведующий был слишком молод для этого звания, а во-вторых, Катя думала, что доктора наук так себя не ведут.

Она подергала дверь – заперто. Хотела уже вернуться в палату, но увидела Яна Александровича выходящим из лифта. Он вывалился спиной, азартно смеясь и размахивая руками.

– Ну, пока, – проорал он закрывающимся дверям. Потом развернулся и уставился на Катю, поспешно стирая с лица развеселое выражение.

– Ко мне? Проходите.

Намеренно или нет, но он встал в дверном проеме так, что Кате пришлось протискиваться мимо него, задержав дыхание. Катя пару раз видела, как заведующий хлопал медсестер по попам или щипал за ляжки, и не исключала, что он и с ней может проделать подобное. «Или я уже становлюсь сумасшедшей старой девой, которой везде мерещатся посягательства на ее честь?» – грустно подумала она.

Кабинет Колдунова своими размерами весьма располагал к интимности. Келья Петра Петровича по сравнению с ним выглядела бальным залом.

Мебель тоже словно предназначалась для гномов – Кате пришлось повозиться, устраивая ноги под столом так, чтобы коленки не торчали наружу, но и не касались ног заведующего.

– Вы о заболевании своей родственницы знаете? – мрачно спросил заведующий.

– В общих чертах.

– У нее злокачественная опухоль желудка, это уже доказано с помощью биопсии. Опухоль подкравливает, может перекрыть просвет желудка, и жить с ней долго ваша бабушка не сможет. Кроме того, она очень пожилой человек и операция для нее представляет крайний риск. Вы это понимаете?

Катя вздохнула:

– Понимаю, конечно. Я вообще удивляюсь, как это вы беретесь оперировать такую пожилую даму.

– Но... Простите, как вас зовут?

– Екатерина Николаевна.

– Так вот, Екатерина Николаевна, у стариков в отличие от молодых людей злокачественные опухоли растут очень медленно, и если удастся все убрать, у больной есть реальный шанс на жизнь.

«Значит, если у меня появится злокачественная опухоль, то она будет расти быстро, я ведь еще молодая», – подумала Катя и расстроилась.

– Мы хотим помочь вашей бабушке, в ее случае риск вполне оправдан. Вы согласны?

– Вы же врач, вам виднее. Если считаете, что операция необходима и если с этим согласна Маргарита Матвеевна, то мне нечего возразить. Мое дело – обеспечить послеоперационный уход.

Ян Александрович кивнул. Достал из кармана халата пачку сигарет, предложил Кате.

Она взяла, хотя никогда раньше не курила эту марку и подозревала, что сигарета окажется слишком крепкой для нее. Что ж, пока Колдунов казался вполне приличным человеком, с добрыми намерениями и культурной речью.

Хотелось бы думать, что ее первое впечатление было ошибочным. В конце концов, любой человек может иногда свернуть со стези добродетели. Даже

Георгий Маркович один раз бегал по коридорам училища, уверяя всех, что он летучая мышь.

– В таком случае, Екатерина Николаевна, перейдем к следующему пункту нашего разговора. Не знаю, осведомлены ли вы о состоянии дел в нашем здравоохранении, но хочу вам сказать, что оно оставляет желать лучшего.

– Что вы говорите? – вежливо удивилась Катя.

– Да, это так. Эта страховая медицина, будь она неладна! Страховые компании загибают все деньги, а расстаются с ними крайне неохотно. Больше того, они имеют право сами решать, какие операции оплачивать, а какие – нет. Короче говоря, если вы согласны, то придется потратиться на лекарства. Конечно, я могу прооперировать бабушку и повести послеоперационный период на том, что мне родина дает, но... Я и так не дам стопроцентной гарантии, что бабушка выживет, а если не прикрыться нормальными антибиотиками, витаминами, хорошими сердечными препаратами, не сделать переливание крови...

– Мы заплатим, – поспешно перебила Катя, – мы уже собрали деньги. Когда нужно принести?

– Вот приблизительный список препаратов. Сразу все не покупайте, особенно если вы человек суеверный. Я вам отмечу, что необходимо в день операции, а потом будете потихоньку подкупать. Ну и потом, вы видите, в каком состоянии отделение. Кровати, тумбочки, белье. Скоро все в пыль рассыплется. Если вы сможете пожертвовать энную сумму... Разумеется, при успешном развитии событий...

Кате стало противно. Наверняка она была не первым человеком, у которого Колдунов просил денег «на развитие», наверняка многие до нее эти деньги давали, но пока что было незаметно, чтобы отделение сильно развивалось.

Господи, ну почему мама никогда не ошибается в людях? Она, даже не видя здешних врачей, дала им совершенно правильную оценку, а Катя, как обычно, питала иллюзии.

Увы, Колдунов оказался, как и предсказывала мама, непорядочным человеком. Хоть бы еще сказал честно, что ему нужен гонорар, нет, стал вымогать деньги

якобы на благие цели!

– Я не распоряжаюсь средствами на лечение Маргариты Матвеевны, ими ведаёт директор нашего училища, но, думаю, он найдёт возможность оплатить все необходимое, – отчеканила Катя.

– В таком случае, если у вас нет ко мне вопросов...

Подождав секунду, Ян Александрович встал.

– Не провожайте! – завопила Катя, представив, что ей опять придется протискиваться мимо него.

Она вскочила и ринулась к двери.

– О том, как ухаживать за больной, вам расскажет Светлана Эдуардовна, – прокричал ей вслед заведующий.

Войдя в палату, Катя сразу увидела маму. Она сидела на койке Маргариты Матвеевны, и ее вид не предвещал ничего хорошего.

Своим хорошо поставленным голосом мама объясняла Маргарите Матвеевне и ее соседкам, в каких ужасных условиях они лежат. На случай, если это обстоятельство вдруг ускользнуло от их внимания.

– Ну что? – обернулась она к Кате.

– Ничего, – Катя пожала плечами, – была на беседе с заведующим.

– Что он сказал тебе?

– Да ничего особенного, мама.

– Ладно, проводи меня.

В холле мама остановилась.

– Знаешь, Катя, не хотела говорить при твоей учительнице, но я не понимаю, о чем вы думаете с Петром Петровичем! Посылаете человека на верную смерть.

– Конечно, мама, интерьер тут жутковатый и поначалу шокирует, но говорят, что заведующий – хороший специалист.

– Кто говорит?

– Петр Петрович.

– А он хоть раз был здесь? Сам говорил с этим хорошим специалистом? Видел лечащего врача? От нее просто в дрожь бросает!

– Может быть, у Петра Петровича при виде ее возникли бы другие эмоции, – пошутила Катя.

Мама устремила на нее свой фирменный стальной взгляд.

– Вот уж не думала, Екатерина, что ты способна говорить пошлости. Или это пагубное окружение влияет на тебя? Нет, я просто поражаюсь вашей с директором безответственности!

«Делать-то что? – подумала Катя. – Забирать старушку из больницы, в которой она уже освоилась, искать другие места, где сделают операцию за приемлемую цену? Не факт, что они найдут лучше».

В холле появилась Светлана Эдуардовна. Заметив Катю, она улыбнулась и подошла. Хотела, наверное, загладить давешний инцидент.

– Ну что, препараты купили уже? – спросила она весело.

– Какие препараты, девушка? – осклабилась мама.

– Не девушка, а доктор.

– То, что вы не девушка, я прекрасно вижу! Вам вообще не стыдно приходить в таком виде на работу? Это же больница, а не бордель. Что о вас больные подумают? Не надо мне тут лицо кривить, я пожилой человек и имею право сделать вам замечание. Вы только посмотрите на себя в зеркало: лицо разрисовано, юбка по самое «не хочу».

– Ну вот, – притворно вздохнула Светлана Эдуардовна, – что значит «не хочу»? А может быть, я как раз хочу?

– Знаете, я в таком тоне не могу поддерживать беседу. Опускаться до вашего уровня я не собираюсь.

Мама демонстративно отвернулась от Светланы Эдуардовны, и Кате ничего не оставалось, как последовать ее примеру. Но и находиться с докторшей в состоянии конфликта Кате не хотелось. Им все равно придется общаться. Поэтому Катя украдкой улыбнулась Светлане Эдуардовне из-за маминого плеча.

– О каких препаратах говорила эта лахудра? – спросила мама, поправляя перед зеркалом воротник пальто. – Что ты должна купить?

– Лекарства, чтобы послеоперационный период прошел без осложнений.

– И что, ты собираешься все покупать? Это что у тебя, список? Ну-ка, дай сюда.

Мама, далеко отставив руку, как все дальноркие люди, углубилась в чтение.

– Боже мой, да ты хоть знаешь, на какую здесь сумму?

Катя этого пока еще не знала. Она специально взяла список, чтобы посмотреть цены в аптеке, которая находилась здесь же, в холле.

– Тут самое малое тысяч на семь! – воскликнула мама.

Около тридцати частных уроков, сразу перевела Катя.

За месяц можно заработать.

– Нет, Катя, это форменное безобразие. Мало того что они вымогают лекарства, так они еще заставляют тебя закупать препаратов вдвое больше, чем нужно. Смотри, сорок флаконов антибиотиков. Разве столько влезет в бедную старушку? Я прекрасно знаю, какими махинациями занимаются врачи. Ты все купишь, а они половину на сторону продадут.

Света влетела в ординаторскую и уставилась в зеркало.

– Ян Саныч, как вам мой прикид? – внезапно спросила она.

– Бесподобно, – ответил он, не отрываясь от истории болезни.

– А чего все говорят, что я на шлюху похожа?

– Не знаю, Светик. Лично мне ты гораздо больше напоминаешь монашку.

– Так мне чего, имидж, типа, сменить?

– Первый раз слышу от вас, Светлана Эдуардовна, здравые речи, – включился в беседу Эрнст Михайлович. – Если вы соблаговолите прикрыть лишние десять сантиметров своих прелестей сверху и снизу, ваш облик только выиграет.

Света задумчиво вынула из ушей серьги, стерла носовым платком рубиновую помаду с губ и зачесала волосы в гладкий хвост.

– Отстой, – произнесла она, глядя в зеркало.

– А по-моему, очень милая, свеженькая мордашка. – Ян попытался утешить подчиненную, а заодно убедить ее приходить на службу в приличном виде. – И знаешь, Света, мало кто из мужчин реально западает на женщин с заголенными ногами. Не спорю, на такие ножки, как у тебя, смотреть приятно, но и только. Заценил, полюбовался и пошел дальше. А вот когда не знаешь, что там скрывается под юбкой...

– Тихо, тихо, Ян Саныч, не распалаяйтесь. – Светка похлопала его по плечу. – Не надо мне по ушам ездить, рассказывать, как мужика подцепить. Мне это ни к

чему. Давайте лучше о деле. Вы, когда с пианисткой беседовали, насчет бабок на развитие отделения говорили?

- Говорил.

Светка горестно покачала головой:

- Ой, хреново-то как! Она ведь подкрепление из тылов вызвала, я в холле видела. Такая тетья, что в кошмаре не приснится. Зубы там, где не надо, растут. С такой левые бабки выбивать себе дороже обойдется.

- От кого я слышу такие пораженческие речи? От человека, который призывает меня доить всех подряд, невзирая на социальный статус! От человека, который пытается убедить меня, что можно и должно хамить больным и что их жалобы не имеют ровно никакого значения! Ты, Светка, наоборот, должна радоваться, что тебе предстоит схлестнуться наконец с достойным противником, а не с до смерти напуганной старушкой.

- Ян Саныч, если бы вы увидели этого достойного противника, то сейчас сидели бы под столом, мелко дрожали и выли бы на луну. Короче, я предупредила.

- А что прикажешь делать? - завопил Ян. - Ну ладно, потолок пусть нам на головы упадет, не жалко. Белье все в дырах - тоже ничего, большинству наших больных это безразлично: они давно пропили последние мозги и не соображают, где находятся. Но без хороших инструментов как работать? В операционной ножницы все тупые, как я не знаю что, зажимы в руках ломаются. А администрация денег на это не дает, говорит, сами заработайте! На ком, интересно, я заработаю? На пенсионерках? На бомжах? Эта бабушка - единственная во всем отделении, у кого есть родственники, желающие помочь.

Светка села за стол и эффектным жестом придвинула к себе пачку историй. Всем своим видом она выражала праведное негодование. «Вот увидите, что я была права, да поздно будет!» - крупными буквами было написано на ее помолодевшей без экстремального макияжа физиономии.

- Не трусь, прорвемся, - подмигнул ей Колдунов.

Зазвонил телефон, но все трое продолжали сидеть на своих местах.

- Я не пойду, я заведующий, - первым не выдержал Ян.

- Пусть Светлана Эдуардовна возьмет, она самая молодая.

- Я единственная среди вас как бы женщина, - парировала Светка.

Ситуация начала напоминать басню Маршака «Старуха, дверь закрой». Телефон между тем надрывался, наверняка им хотели сообщить что-то важное.

Эрнст Михайлович усердно строчил в истории болезни, делая вид, что ничего не слышит. Светка тоже, судя по всему, не намеревалась капитулировать.

Колдунов громко сказал: «Тьфу на вас» - и взял трубку. Лучше бы он этого не делал! Звонили терапевты, просили проконсультировать больного.

- Бомж? - грозно спросил Ян Александрович, с ходу поняв суть проблемы.

- Как ты догадался? - спросила заведующая терапией и развратно засмеялась.

Ян вовсе не обладал даром ясновидения, но практика была известная: подавляющее большинство вынутых из канавы бомжей независимо от заболевания помещали в отделение Колдунова, как в официальный больничный отстойник. И лишь когда отлаженный механизм давал сбой, маргиналы оказывались в терапии или неврологии. Заведующие, обнаружив на утреннем обходе у себя в отделении немилосердно воняющего бомжа, не теряли голову, быстренько находили у больного, не приближаясь к нему, впрочем, ближе, чем на три метра, острую хирургическую патологию и с песнями переводили к Колдунову. Обычно Ян безропотно принимал такие подарки, но с этой заведующей у него были свои счеты. Пару раз она отказалась взять к себе от него терапевтических больных - вполне приличных, но бедных бабушек. Поэтому Колдунов решил стоять, как русская армия под Сталинградом, но бомжа не забирать.

- Не пойду. Я сегодня не дежурю, рабочий день через семь минут заканчивается, так что изволь обращаться на первую хирургию.

- Они на бомжа не пойдут.

- Знаю, что не пойдут, но я здесь ни при чем. Это не моя проблема, ясно?

- Но, Ян, у него, кажется, без дураков, острый живот.

- Алла, я никогда не поверю, что ты трогала бомжу живот. Думаю, что ты поставила этот диагноз, посмотрев на больного из коридора.

- А ты приходи и проверь, смотрела я его или нет, - огрызнулась Алла.

- Да мне по фигу! Зови дежурную смену.

- Говорю тебе, они не придут.

- Ну напиши в истории, что вызваны хирурги, поставь время вызова, а дальше не твоя уже забота. Да и нет там никакой хирургии, уверен. Сколько вы к нам бомжей с перитонитами переплавили, и ни у одного еще диагноз не подтвердился.

- Ян, я знаю, что ты на меня обижен. Поэтому я тебе звонить вообще-то не хотела. Я сначала обратилась на первую хирургию, как ты советуешь. Но меня там послали подальше. Сказали, что бомжи - твой профиль.

- Что? - взревел Колдунов. Привычный ко всему, такой наглости он в своих коллегах все же не предполагал. - Мой профиль? Покажите мне приказ, где это написано! Где сказано, что Колдунов должен торчать в больнице в любое время суток и расцеловывать всех бомжей? Ознакомьте меня с этим приказом, и я буду это делать! Но пока приказа еще нет, будь любезна разбираться со своими проблемами сама! - Трясущимися руками он закурил, затянулся поглубже и сразу слегка остыл и уже спокойно, даже доброжелательно закончил: - В строгом соответствии с законом и с рабочим расписанием больницы. А я пошел домой. Пока мы мило беседовали, мой трудовой день завершился.

Он положил трубку и гордо посмотрел на подчиненных. Пусть видят, какой у них суровый заведующий, и боятся.

– Правильно, Ян Александрович. – Кажется, впервые в жизни Колдунов слышал слова одобрения от Цырлина. – Нельзя позволять садиться себе на голову. Пусть знают, что мы не безответные придурки, готовые за других самую грязную работу делать.

Светка вдруг встала и поманила Колдунова в коридор.

– Чего тебе? Домой хочешь – так иди.

– Джаст э момент, Ян Саныч.

– Господи, да что за тайны у тебя?

Колдунов нехотя вышел в коридор, Светка затолкала его в угол, привалилась к нему и жарко зашептала прямо в ухо:

– Где это чучело лежит? Я сгоняю, посмотрю, если вам в лом.

– Да ты что, Светка?

– Ну а чё? Чё мы будем с больными-то воевать? Живой же там человек, западло не помочь.

– Доходчиво объясняешь.

Ян развеселился, обхватил Свету пониже талии и притянул к себе.

– Пошли, вместе глянем, что там за перитонит.

Краем глаза Колдунов заметил, что рыжая родственница одной из вверенных ему старушек смотрит на него с ужасом, и подумал, что со стороны их разговор со Светкой и в самом деле выглядит двусмысленно. Наверное, Ян показался ей сексуальным маньяком, который не может обуздать свои инстинкты и лапает хорошеньких сотрудниц прямо в коридоре. Ну и фиг с ней, главное, чтобы Вера не поняла этой сцены превратно. Ян ни в коем случае, даже по недоразумению, не хотел бы сделать ей больно.

* * *

Катя так устала за день, что даже не могла понять, чего она больше хочет, спать или есть. Сегодня пришлось побегать. Сначала в больницу, потом в училище – к Петру Петровичу за деньгами. Он хотел выдать ей сразу всю сумму, но Катя очень нервничала, когда приходилось становиться хранительницей чужого имущества, поэтому взяла только на текущие расходы, а основные деньги остались в директорском сейфе. Из училища Катя поехала на другой конец города, где была дешевая аптека. Мама высчитала, что если она будет покупать лекарства там, а не в больничном ларьке, то сэкономит не меньше тысячи рублей. Поскольку деньги были не ее, Катя покорно отправилась к черту на кулички.

К Катиному ужасу, выяснилось, что часть лекарств – это пол-литровые банки с какими-то растворами, и ей таких банок отгрузили штук пятнадцать. К тому же банки оказались стеклянными, и она боялась, что разобьет их в метро. Ловить такси на общественные деньги Катя постеснялась, а своих было жаль, ведь грядущий месяц не сулил ничего, кроме голой учительской зарплаты. Поэтому она сделала два рейса из аптеки в больницу, ругая маму за привычку совать нос в чужие дела. Если бы она не знала об этой дешевой аптеке, то спокойно купила бы все в больничном ларьке!..

В больнице Маргарита Матвеевна готовилась к операции. Старушка как будто не волновалась и была уверена в благополучном исходе, но все же Катя просидела с ней до вечера, пока Маргарита Матвеевна не приняла прописанные ей снотворные таблетки.

Часов в восемь к Маргарите зашел заведующий. Он присел к ней на кровать, ласково взял за руку:

– Как настроение, боевое?

– Спасибо, доктор, все хорошо.

– Ну и ладненько. Завтра поедете в операционную прямо с утра, там сделают вам укол, и заснете. Вся операцию будете спать, ничего не почувствуете. А как услышите голос, значит, операция закончена.

– А чей голос, доктор? – улыбнулась Маргарита Матвеевна.

Колдунов смешался.

– Мой, конечно. Или анестезиолога. Да не волнуйтесь, я сам вас разбужу. Кстати, украшения снимите, пожалуйста. Отдайте внучке.

– Это не внучка, а моя ученица. Доктор, а нельзя ли оставить украшения? У каждого из них – своя сентиментальная история. Они – талисманы.

– Ну, слава Богу, у вас не такая ситуация, чтобы вы нуждались в талисманах. Просто золото от йода портится. Как только вернетесь в палату, сразу снова наденете свои драгоценности.

Катя еле сдержала эмоции.

– Ян Александрович, – сказала она, выходя за ним из палаты, – может быть, разрешите оставить украшения? Неужели йод так уж вредит золоту?

– Да при чем здесь йод! Она же в наркозе будет! И, как в фильме, с бесчувственного тела... Я уже не говорю, если что... тьфу-тьфу, не дай Бог.

– То есть вы так спокойно говорите, что ваши сотрудники могут совершить мародерство? Да вы с ума сошли!

– Увы, не сошел. К сожалению, были прецеденты. Если что пропадет, вы же первая меня в асфальт закатаете.

– Боже, но я понятия не имею, сколько все это стоит! А вдруг это действительно драгоценности? А я на ночь глядя поеду домой с пригоршней золота в кармане! А вдруг меня в подворотне ограбят? Как я буду отчитываться перед старушкой? Может быть, она вообще не поверит, что меня ограбили, и решит, что я все продала на черном рынке?

Катя почти кричала, а Колдунов только ухмылялся, глядя на ее истерику.

– Не знаю, чем я мог бы вам помочь, – сказал он, когда Катя наконец замолчала. – Уж о чем о чем, а об этом я заботиться не должен. Только учтите, если завтра на больной хоть одно кольцо останется, операции не будет.

В панике Катя позвонила домой Петру Петровичу. Она так вопила, что Петр Петрович заехал за ней в больницу, потом они вместе отправились в училище и положили кольца в сейф. Только тогда Катя вздохнула с облегчением.

За исход операции она почему-то не волновалась. У нее было предчувствие, что все пройдет хорошо.

Катя отломала себе кусок булки и запила ряженкой прямо из пакета.

– Как тебе не стыдно, – тут же отреагировала мама, – сядь и нормально поешь!

– Нет, пойду спать. Завтра поем, тем более что можно будет не торопиться, заведующий сказал, что раньше одиннадцати операция не закончится.

– Кстати, я тут написала от твоего имени письмо главному врачу. Пусть знает, какие безобразия творятся за ее спиной.

– Мама, зачем?

– Затем, что это необходимо! Нужно вывести этих негодяев на чистую воду.

– Но эти негодяи завтра будут оперировать Маргариту Матвеевну.

– Правильно. В надежде на взятку. А стали бы они делать операцию, откажись ты платить – еще большой вопрос. Нужно было, конечно, сделать иначе. Ты должна была сразу, как только заведующий сделал тебе это возмутительное предложение, пойти к главному врачу и все ей рассказать. Уверяю, после этого тебе не пришлось бы ни копейки потратить на лекарства.

– Ну сходила бы я к главному врачу, покачала бы права, и что? Они бы поняли, что я скандальная тетка, решили бы не связываться со мной и стали бы лечить Маргариту Матвеевну всякой бесплатной ерундой. Нет уж, лучше мы заплатим, к

тому же на каждого преподавателя не так много и выходит.

– Вот поэтому рвачество в медицине и процветает! Ты вдумайся, Катя, ведь получается, что больные становятся у врачей заложниками. Близкие, опасаясь за их здоровье, не могут даже возмущаться безобразной работой медиков. Не говоря уже о том, чтобы отказаться платить взятки.

Катя была готова на все, лишь бы мама оставила ее в покое. Мамина речь, безусловно, была справедливой, но все же это был уже не премьерный показ, а главное – время было выбрано неудачно.

– Ты совершенно права, – на всякий случай сказала Катя и попыталась прошмыгнуть в ванную.

Не удалось. Мама грудью перекрыла все пути.

– Вот я и считаю, – звонко, как на собрании, продолжала она, – что мы должны сообщить главному врачу об этой порочной практике. Завтра я завезу ей письмо от твоего имени. Я бы написала от своего, но это будет выглядеть глупо. Чего это я хлопочу о совершенно посторонней мне старухе? Другое дело ты, ее ученица.

– Мама, прошу тебя, не надо. Люди хотят помочь Маргарите Матвеевне, а мы будем на них кляузы строчить.

– Они хотят не помочь ей, а заработать на ней. Существенная разница! И я пишу не кляузу, а объективное, можно сказать, информационное письмо. Там нет ни одного обвинения, я просто интересуюсь, уполномочен ли был заведующий заставлять тебя покупать лекарства. Еще раз повторяю: если они честные люди, то им нечего бояться.

Конечно, они не были честными людьми. Катю до сих пор передергивало от омерзения, когда она вспоминала, как Колдунов намекал ей на «развитие отделения». Но бороться с ними, занимать активную гражданскую позицию почему-то совершенно не хотелось.

– Давай все-таки не будем... – из последних сил попыталась сопротивляться замученная дежурствами и маминым напором Катя.

– Что тебя не устраивает? Кого ты защищаешь? Уж не влюбилась ли ты в этого, как его, Колдунова?

– Мама, да ты что? Я видела-то его три или четыре раза. Какая может быть любовь?

– Очень даже может. У него порочное лицо и похотливый взгляд. Такие бандерасы действуют на порядочных женщин, как валерьянка на кота. Нельзя поддаваться этому грубому животному обаянию! Катя, поверь мне, это абсолютно безнравственный тип, а я в людях разбираюсь. Он поиграет и отбросит тебя, как сломанную куклу. Я уже не говорю о том, что у порядочной женщины не может быть ничего общего с человеком, который наживается на болящих!

Чтобы убедить маму в ложности ее подозрений, Катя с ходу, не читая, поставила свою подпись-закорючку.

Стоило Кате лечь в постель, как сон ушел. А казалось, что уж сегодня-то бессонница ей не угрожает! Она выглянула в коридор – у мамы в комнате было темно, из-за двери доносилось мерное похрапывание. Катя прошла на кухню, осторожно, стараясь не греметь посудой, сварила кофе – все равно не спится. Еще раз убедившись, что мама спит беспробудно, Катя надела пальто и выскользнула с чашкой кофе на лестницу. Домовитый Юра поставил перед их отсеком дверь и оборудовал на площадке нечто вроде холла. Меня обстановку в квартире, Юра вынес на площадку кресло и журнальный столик и оборудовал себе место для курения. Мама долго воевала с ним по этому поводу, кричала, что не позволит дымить под дверью своей квартиры и вообще распоряжаться на принадлежащем ей по закону участке лестничной клетки. Сосед реагировал всегда одинаково. «Вы предпочитаете, чтобы у вас под дверью вместо курящего меня оказались колющиеся наркоманы?» – задавал он риторический вопрос и удалялся в свою квартиру.

Катя не решалась открыто выступить на Юриной стороне, но, чтобы сосед понял, что она одобряет его действия, купила в «холл» фикус и повесила на стену

несколько картинок.

Она села в кресло и закурила. Почему-то захотелось, чтобы Юре тоже не спалось, чтобы он вышел. Они бы мило поболтали... Может быть, она все-таки нравится ему? Катя тяжело вздохнула.

Она никогда не мечтала о головокружительной карьере. Единственное, чего ей хотелось с ранней юности, это выйти замуж и иметь много детей. Но для того чтобы быть счастливой в браке, нужно было встретить хорошего человека – доброго, умного и надежного. «Если ты выйдешь за ничтожество, как в свое время сделала я, твоя жизнь превратится в ад, – говорила ей мама. – Я очень люблю тебя, Катя, и хочу предостеречь от роковых ошибок, особенно от тех, которые я совершила сама. Ты должна гордиться своим избранником, а не презирать его». С этим Катя была совершенно согласна.

«Ты умная и трудолюбивая женщина с сильной волей, и тебе будет трудно найти достойную пару. Почему-то именно такие, как ты, привлекают самых никчемных мужчин, – продолжала вздыхать мама. – Конечно, ты сможешь заставить себя верить в положительные качества своего избранника. Какое-то, и, может быть, даже весьма продолжительное, время ты будешь насиловать себя, считать его героем, но прозрение неминуемо, и чем позже оно наступит, тем будет болезненнее».

Катя надеялась, что мама ошибается, но, к сожалению, ее прогнозы оправдывались. Поклонники оказывались либо тупицами, либо страшными лентяями, либо непорядочными людьми. Несколько раз Катя влюблялась, и тогда ей не хотелось видеть недостатков своего избранника. Она не слушала маминых предостережений, намеренно закрывала глаза на неблагоприятные поступки ухажера. К сожалению, каждый раз жизнь вдребезги разбивала все построенные Катей воздушные замки. Мама всегда очень нежно утешала ее, утверждала, что все к лучшему, что Кате еще улыбнется счастье, и очень хорошо, что она вовремя избавилась от неподходящей кандидатуры.

Может быть, конечно, ее счастье было еще впереди, однако с тех пор, как она закончила консерваторию, у Кати не было ни одного поклонника. А прошло уже без малого десять лет!

И все это время она бегала как лошадь по кругу: работа – дом, дом – работа... Ее подружки повыходили замуж, нарожали детей, кто-то уехал за границу... В общем, Катя стала очень одинокой в последние годы. Она бы душу черту продала, чтобы выйти замуж, но, оглядываясь вокруг, не находила ни одного мужчины, которого бы ей хотелось видеть рядом с собой каждый день. Не выходить же за любителя попсы, расчетливого мента Юру или за раздолбая и взяточника Колдунова! Или за Георгия Марковича, который будет целыми днями талдычить ей о своей непризнанной гениальности.

Катя горько усмехнулась, вспомнив мамины слова про валерьянку и кота. Неужели мама могла подумать, что Катя способна поддаться животным инстинктам и забыть обо всем ради разбойничьей рожи доктора? Завести с ним роман? Втоптать себя в такую грязь? Возможно, Катя могла бы еще примириться с тем, что ее возлюбленный в свободные минуты тискает девушек по углам. Но то, что Колдунов мухлевал с деньгами, сразу исключало его из списка кандидатов на ее руку и сердце, если бы он вдруг захотел себя в этот список внести.

Той ночью не спалось и Колдунову. Он провожал Веру домой. Обнявшись, они шли по Садовой улице, пустой и таинственной, как марсианский канал. Почти все окна были темными, улицу освещали только тусклые фонари. Остановившись, Ян развернул Веру лицом к себе. Он долго и нежно целовал ее, потом прислонил к стене дома и полез под юбку.

– Перестань, – смеялась Вера, страстно отвечая на поцелуи, – ты забыл, что мне уже не двадцать лет. Так, как раньше, не получится.

– Милая моя...

– Пойдем, а то Мишка будет волноваться.

Ян с неохотой отпустил ее.

– А что, ты снова с Алевтиной замутил? – вдруг спросила Вера.

– Почему это ты так решила?

- Чека донесла. Народ видел, как ты к ней в машину садился.

Ян поморщился.

- Она просто предложила подвезти меня. Не мог же я отказаться.

- А потом она предложила перепихнуться. Не мог же ты отказаться!

- Представь себе, мог! Не буду лукавить, она меня соблазняла, но я не поддался. Да я скорее засуну в машинку для уничтожения бумаг, чем в нее!

Вера ядовито засмеялась.

- Правда, Ананас! Я с ней спал один-единственный раз по пьяни, еще когда главврачом был. И ты должна меня понять, она же офигительно красивая тетка.

- А потом?

- Что потом?

- Ну, вы переспали, и что? Разошлись как в море корабли?

- Точно так. Она, правда, намекала, что можно и продолжить, но я, Ананасик, хранил тебе верность.

Вера фыркнула.

- Что-то у меня не вяжется. Ты же знаешь, что в аду нет ярости страшнее, чем ярость отвергнутой женщины. Я знаю Алевтину, и если все между вами было так, как ты говоришь, она должна была сплясать на твоих костях, а не предлагать тебе должность.

- Дурочка ты! Ты что, думаешь, я ублажаю нашего главврача в койке за то, что она держит меня на работе? Так ты меня прости, но это она меня должна каждый день по три раза ублажать, что я еще не послал подальше эту работу! Ты лучше меня знаешь, что у нас медом не намазано. Я сам не понимаю, почему

до сих пор не уволился, – заключил Ян с тяжелым вздохом.

– И все-таки, – упорствовала Вера, – она пригрела тебя в трудное для тебя время. А если это любовь?

Ян покрутил пальцем у виска.

– Ты что, Ананас, женщин не знаешь? Взяла она меня на работу, чтобы в полной мере насладиться моим унижением. Я же был таким, как она, а теперь стал подчиненным. Заведую самым кошмарным отделением во всей больнице. Каждый раз, когда она видит меня среди бомжей, измотанного, а иногда и поддавшего, сердце ее переполняется тихой радостью. Поэтому она меня и подвезла на днях. Ткнула меня носом в мое убожество, в то, что я даже на машину заработать не способен.

– Слушай, Ян, так, может быть, мы в таком загоне из-за тебя находимся? Может, она так мстит? Специально устроила нашему отделению экономическую блокаду? А?

– И мстит, конечно, тоже. Но главное – это все-таки финансовые соображения. Она показывала мне распечатки из бухгалтерии: доход, расход... Мы – убыточное отделение, нравится тебе это или нет.

– Что б ты понимал! Ян, она тебе мозги пудрит, а ты как ребенок! Какой расход, сам посуди? Что нам больница выделяет? Кашу? Шприцы? Перевязочный материал? Все остальное больные сами покупают. Она пользуется тем, что ты в бухгалтерии ничего не понимаешь, и втирает тебе.

– Может, и так.

Колдунов уже давно отчаялся добиться справедливости, понял, что спорить с главным врачом – все равно что идти на медведя с перочинным ножиком. Но Вера еще питала какие-то иллюзии, ругала его за пораженческие настроения и пыталась вдохновить на борьбу.

– Ян, может, тебе стоит ответить на ее заигрывания? Стань снова ее любовником, представляешь, какие на нас тогда милости прольются?

Колдунов грустно посмотрел на нее. Непонятно было, говорит Вера серьезно или шутит.

– Ты что, совсем меня не любишь?

Операция прошла успешно, но Колдунов со Светланой Эдуардовной остудили Катину радость. Они сказали, что вздохнуть спокойно можно будет только через пару недель, не раньше. Около двух часов Маргарита Матвеевна провела в реанимации, а потом ее привезли в палату и передали под Катин надзор. Увидев окутанное какими-то непонятными проводками тело, Катя пришла в ужас. Ей казалось, что любое ее неосторожное движение может привести к страшным последствиям. А главное, она боялась, что не уследит за всем, обязательно прозевает, когда кончится капельница, когда Маргарита Матвеевна начнет ворочаться... Да мало ли еще что она могла натворить по незнанию! А что будет ночью? Вдруг она заснет и не заметит, что пора менять капельницу? Тогда в вену Маргариты Матвеевны попадет воздух и она умрет. По Катиной вине! Ну хорошо, эту ночь она сможет не спать, а следующую?

Скрепя сердце Катя поделилась своими страхами со Светланой Эдуардовной. Та задумчиво пожевала жвачку и успокоила Катю соображением, что от пропущенной капельницы у них пока еще никто не умер. «Часов в одиннадцать капельницы кончатся, ей сделают укол, и спите себе на здоровье», – сказала врач.

Обещанный укол сделали только в половине первого, и то лишь потому, что Катя разыскала медсестер и напомнила про него. Томная сестра неприязненно посмотрела на Катю и сказала:

– Зачем вы просите укол? Бабушка же не жалуется.

Спорить сил уже не было, и Катя заснула прямо на стуле, уронив руки и голову на тумбочку Маргариты Матвеевны.

Утро принесло новые заботы. Умывание, перевязка, снова капельницы... Однако Катя уже освоилась: научилась закрывать систему для внутривенного вливания

и обнаружила большинство тайных уголков, в которых можно найти медсестру, если в ней возникает необходимость.

Чтобы не сидеть сложа руки, она вымыла пол, протерла устрашающего вида тумбочки, а на окно повесила прихваченные из дома старые тюлевые занавески, отчего палата сразу приобрела почти уютный вид.

Около двенадцати наведалься с обходом Колдунов. Катя как раз пыталась возле стокилограммовой женщины, пытаясь постелить под нее свежую простыню.

– Что же вы в одиночку-то? – всполошился заведующий. Он подбежал и с поразительной легкостью повернул больную на бок. Вдвоем они быстро управились.

– Какая вы молодец! – сказал Ян Александрович, ласково глядя на Катю. – Редко встретишь, чтобы человек и за своим родственником ухаживал, и о других больных заботился. А какой порядок вы тут навели! Я, знаете, просто восхищен.

Катя смутилась. Целый день после этого она летала как на крыльях, в душе ее раздавалось пение райских птиц и сияло солнце. Ею восхищаются, надо же! Нашелся человек, который оценил ее, пусть даже это беспринципный Колдунов.

Первый раз в жизни Катя удостоилась от мужчины таких слов и такого взгляда. Поклонники, которых в ее жизни было не много, не баловали ее подобными проявлениями чувств. Наоборот, они склонны были делать Кате замечания. Мама находила этому логическое объяснение. Она считала, что средний человек, быдло, как она выражалась, просто не способен оценить Катиного очарования, ее ума и душевной красоты. Но, предостерегала мама, такой средний человек подсознательно будет чувствовать Катино превосходство, а значит, непременно попытается подавить ее, внушить ей чувство неполноценности. Мама утверждала, что Катя сможет быть счастливой только с таким же благородным человеком, как она сама, человеком, которому небезразличны душевная чистота и нравственные устои.

И Кате следовало всю жизнь ждать такого человека, не размениваясь на полуфабрикаты.

А вдруг она была несправедлива к Яну Александровичу? Катя вспомнила, каким ловким, сильным, но в то же время ласковым движением он помог ей перестелить постель больной. Накануне, когда она пыталась отдать ему конверт с деньгами, заведующий отмахнулся – сказал, что все денежные вопросы решит перед выпиской. Может быть, он совсем не так ужасен, как считает мама?

Катя тяжело вздохнула. Она думала так про каждого своего поклонника, но потом кавалер оказывался именно так ужасен. Мама, при всех ее недостатках, великолепно разбиралась в людях.

– Катенька, детка, сходи пообедай, – предложила Маргарита Матвеевна.

– Не волнуйтесь, у меня бутерброды с собой. Сейчас чаю вскипячу и поем.

– Нет, Катюша, тебе нужно прогуляться. Ты с ума сойдешь, если будешь сутки напролет здесь сидеть. Да к тому же со мной хотела поболтать Клавдия Ивановна. Иди, деточка, развлекись немного. Прямо напротив больницы есть превосходное кафе. Кажется, это единственное место в городе, где стиральный порошок не является неизменным ингредиентом капучино. Цены там тоже вполне приемлемые. Я бы с огромным удовольствием сама туда пошла, но пока не могу.

– Ничего, недельки через две мы отметим там ваше выздоровление, – улыбнулась Катя.

Тут пришла Клавдия Ивановна и почти насильно вытолкала ее за дверь, сказав, что они с Маргаритой Матвеевной собираются повспоминать своих возлюбленных и лишние уши им совершенно не нужны.

«А мне будет нечего вспомнить», – грустно размышляла Катя, направляясь к разрекламированному кафе. Ее плоть не страдала от воздержания, наверное, она была фригидной женщиной, но было обидно, что есть сфера жизни, о которой она ничего не знает. Что супружество и материнство остаются для нее абстрактными понятиями. Иногда Кате хотелось завести любовника хотя бы в познавательных целях, чтобы не чувствовать себя белой вороной, не теряться и не смущаться, когда женщины-педагоги, оставшись одни в учительской, начинают беседовать о своих мужчинах.

Вспомнив об утренней встрече с Колдуновым, она вновь воспрянула духом. Разве он отозвался бы о ней с таким восторгом, будь она такой же распущенной, как другие? Мужчины очень хорошо чувствуют чистоту женщины.

Катя взяла капучино и мороженое. Кафе, видимо, пользовалось популярностью не только у Маргариты Матвеевны, свободных столиков не было. Оглядевшись, Катя вдруг узнала в одной из посетительниц Светлану Эдуардовну. Докторша сидела в обществе двух примерно десятилетних детей, а один стул был свободен. Что ж, это лучше, чем подсаживаться к незнакомым людям.

- Не помешаю? - вежливо спросила Катя, подходя.

- Садитесь, конечно.

Светлана Эдуардовна, насколько можно было понять в полумраке кафе, посмотрела на нее приветливо. Дети оказались симпатичными близнецами женского пола.

- Это ваши? - удивилась Катя.

- Типа того. Оля и Лена.

- Здравствуйте, - сказали Оля и Лена.

- А это...

- Катя, - поспешно представилась она. - Очень приятно, девочки, с вами познакомиться. Какие, Светлана Эдуардовна, у вас большие дети.

- Да я и сама не маленькая, - улыбнулась та, - к тридцатнику уже подкатывает.

Катя подумала, что, роди она в таком же возрасте, как Светлана Эдуардовна, ее дети могли бы уже поступать в музыкальное училище. Эта мысль очень расстроила ее. Чтобы не травмировать компанию унылым выражением лица, она немного передвинула свой стул подальше, в тень, и с подчеркнутым вниманием принялась за мороженое. О ней тут же забыли.

– Мам, а я двойку по математике получила, – то ли повинилась, то ли похвасталась одна из девочек.

– Забей, – беспечно произнесла заботливая мать, отпив из стакана, в котором, как с ужасом определила Катя, было пиво.

– Я перепутала, какие числа справа, а какие слева, – продолжила девочка.

– Ну это с какой стороны посмотреть... Я тоже до сих пор путаю. Даже на операции все время боюсь не ту ногу отрезать.

Катя похолодела. Если ей когда-нибудь придется отрезать ногу, Светлану Эдуардовну она к себе близко не подпустит.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

ЛКК – лечебно-контрольная комиссия. Это конференция, где обсуждается клинический случай и компетентные специалисты указывают доктору на совершенные им ошибки, но исправить что-либо оказывается, как правило, уже невозможно.

2

Адъюнктура – то же самое, что аспирантура, только у военных. Адъюнкт (аспирант) в течение трех лет занимается научной работой, пишет диссертацию и после ее защиты становится кандидатом наук.

Купить: <https://tellnovel.me/mariya-voronova/povod-dlya-znakomstva>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)